

ПО СТОПАМ ТОТАЛИТАРИЗМА

АНАЛИЗ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ ИГОВЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

РИЧАРД МИЛЛЕР

По стопам тоталитаризма:

**Анализ преследования Свидетелей
Иеговы в современной России**

Ричард Миллер

Данное издание представляет собой документально-аналитическую и правозащитную работу, основанную на открытых источниках, включая опубликованные документы, судебные акты, публичные заявления, сообщения СМИ, научные публикации и иные материалы, доступные на момент подготовки текста. Автор не ставит целью унижение чести, достоинства или деловой репутации каких-либо лиц и организаций.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Зеркало истории: от Берлина 1933 до Москвы 2017

Глава 2. Монополия на душу: роль РПЦ и идеология «духовной безопасности»

Глава 3. Феномен антикультового движения

Глава 4. Юридический абсурд: технология фабрикации «экстремизма»

Глава 5. Индустрия лжи: пропаганда и стигматизация в СМИ

Глава 6. Машина террора: методы работы ФСБ и Центра «Э»

Глава 7. Застенки XXI века: пытки и жестокое обращение

Глава 8. Удар по будущему: дети и семьи под прицелом

Глава 9. Международный резонанс: ЕСПЧ и мировое сообщество

Глава 10. Анатомия сопротивления: феномен стойкости

Глава 11. Диагноз системе: от частного случая к общей угрозе

Пролог

20 апреля 2017 года в зале Верховного суда Российской Федерации воцарилась тишина, которая для историка права звучит громче любого крика. В этот день судья Юрий Иваненко огласил решение о признании Религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и 395 местных религиозных организаций экстремистскими. С этого момента централизованная юридическая структура Свидетелей Иеговы в России была ликвидирована, а около 175 тысяч верующих оказались под угрозой административного и уголовного преследования за продолжение привычных форм исповедания своей веры. Их имущество подлежало конфискации, а мирные богослужения и проповедь в последующей правоприменительной практике нередко трактовались как продолжение деятельности запрещенной организации, и их вера стала поводом для уголовного преследования.

Для стороннего наблюдателя это событие могло показаться внезапным юридическим казусом или результатом борьбы с «иностранным влиянием». Однако для исследователя тоталитарных режимов и прав человека это решение стало финальным аккордом в длительной, тщательно спланированной симфонии дегуманизации. Оно ознаменовало собой не просто запрет одной религиозной группы, но фундаментальный сдвиг в правовой парадигме современной России — переход от декларируемого светского государства к системе, где идеологическая монополия защищается методами инквизиции и тайной полиции.

Данная книга — это не апология религиозного учения Свидетелей Иеговы. Теология здесь нас интересует лишь постольку, поскольку она становится триггером для государственной агрессии. Наша задача — провести беспристрастное, основанное на документах и фактах расследование того, *как* и *почему* в XXI веке, в стране, пережившей ужасы ГУЛАГа, вновь заработал маховик репрессий по религиозному признаку.

Центральный исследовательский вопрос этой работы звучит так: является ли преследование Свидетелей Иеговы изолированным явлением, или же это «канарейка в угольной шахте» — индикатор возрождения тоталитарных механизмов управления обществом, которые неизбежно коснутся и других слоев населения?

Методология нашего исследования базируется на трех китах. Во-первых, это сравнительно-исторический анализ. Мы проведем прямые параллели между начавшимися в 1933 году запретами Свидетелей Иеговы в нацистской Германии, советской операцией «Север» 1951 года и современными российскими реалиями. Сходство риторики, методов пропаганды и юридических формулировок поражает своей точностью — история не просто рифмуется, она цитирует сама себя.

Во-вторых, мы применим юридико-лингвистическую деконструкцию. Мы разберем, как понятие «экстремизм», изначально призванное бороться с терроризмом и насилием, было искусственно расширено и деформировано. Мы покажем, как лингвистическая эквилибристика в судебных экспертизах позволила приравнять утверждение «моя вера истинна» к разжиганию ненависти, создав опаснейший прецедент для всей правовой системы.

В-третьих, мы исследуем институциональную архитектуру преследования. Репрессии не возникают в вакууме. За ними стоят конкретные бенефициары и идеологи. Мы проанализируем роль Русской Православной Церкви (РПЦ) в лоббировании запрета конкурентов, деятельность так называемого «антикультового движения» во главе с Александром Дворкиным и механизмы работы силовых структур (ФСБ, Центр «Э»), для которых борьба с мирными верующими стала удобным способом имитации бурной деятельности и получения наград.

Мы будем опираться на материалы судебных дел, отчеты правозащитных организаций, документы международных инстанций (ЕСПЧ, ООН) и расследования независимых журналистов. Особое внимание будет уделено роли дезинформации и «языка вражды», которые, подобно вирусу, заражают общественное сознание, делая обывателей соучастниками преступления через молчаливое согласие.

Глава 1. Зеркало истории: от Берлина 1933 до Москвы 2017

История человечества редко предлагает нам абсолютно новые сценарии; чаще она перетасовывает старые карты, меняя лишь имена игроков и декорации. Когда 20 апреля 2017 года Верховный суд Российской Федерации вынес решение о признании Религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и связанных с ней местных религиозных организаций экстремистскими, многие правоведы и историки испытали пугающее чувство дежавю. Это решение не было спонтанным актом правосудия, реагирующим на новую угрозу. Напротив, оно стало частью репрессивного механизма, напоминающего тоталитарные практики XX века — нацистской Германии и сталинского СССР.

Анализ двух указов: Берлин 1933 — Москва 2017

Чтобы понять природу происходящего сегодня, необходимо вернуться к истокам. 30 января 1933 года Адольф Гитлер был назначен рейхсканцлером Германии. Уже весной того же года начались притеснения «Исследователей Библии» (так тогда назывались Свидетели Иеговы). Осенью 1933 года последовали международные кампании протестных телеграмм и писем, где верующие твердо заявляли о своем нейтралитете и отказе участвовать в политической жизни, но при этом подчеркивали отсутствие враждебных намерений. Реакция Гитлера была резко враждебной: «Это отродье будет истреблено в Германии!».

Сравним юридическую аргументацию нацистских юристов и современных российских прокуроров. В 1933 году запрет обосновывался Декретом рейхспрезидента «О защите народа и государства». Нацистская пропаганда утверждала, что деятельность этой группы «разлагает моральный дух нации» (*Zersetzung der Wehrkraft*), подрывает единство немецкого народа и служит интересам «международного еврейства» и США.

Перенесемся в 2017 год. В исковом заявлении Министерства юстиции РФ и последующем решении Верховного суда мы не найдем фактов насилия, призывов к терроризму или свержению власти. Вместо этого обвинение строилось на тезисе об «угрозе общественному порядку и общественной безопасности». Как и в Германии 1930-х, в РФ использовали расплывчатые формулировки: верующим вменялось в вину убеждение в истинности их религии (что трактовалось как «пропаганда превосходства») и отказ от участия в определенных формах публичной лояльности и коллективной религиозной деятельности после запрета организаций.

Лингвистический анализ обвинительных заключений показывает сильное типологическое сходство. Нацистский режим обвинял Свидетелей Иеговы в том, что они «ставят Бога выше Фюрера». Российская прокуратура, используя современный новояз, обвиняет их в фактическом отказе подчинить религиозную практику приоритету государства, только вместо «Фюрера» используется термин «конституционный строй» или «интересы государства». В обоих случаях преступлением становится не действие, а иерархия ценностей, в которой государство не занимает высшую ступень.

Операция «Север»: советский опыт коллективной ответственности

Историческая параллель была бы неполной без упоминания советского периода. После окончания Второй мировой войны Свидетели Иеговы, многие из которых прошли через нацистские концлагеря (где они носили отличительный знак — лиловый треугольник), оказались на территориях, присоединенных к СССР. Советская власть, декларировавшая освобождение Европы от фашизма, парадоксальным образом переняла эстафету преследования этой группы.

Апогеем советских репрессий стала операция «Север», проведенная Министерством государственной безопасности (МГБ) СССР 1–2 апреля 1951 года. Это была классическая конфессиональная чистка. По данным архивных документов, в ходе операции в Сибирь (преимущественно в Иркутскую, Томскую области и Красноярский край) было депортировано около 9 700–9 900 человек; часто приводится цифра 9 793, а в некоторых источниках — 9 973. Важно отметить принцип коллективной ответственности, который применяли и нацисты, и советские чекисты: высылке

подлежали целые семьи, включая грудных детей и глубоких стариков, исключительно по признаку конфессиональной принадлежности главы семьи.

Документы МГБ того времени обосновывали депортацию тем, что иеговисты являются «антисоветским элементом», который отказывается вступать в колхозы, служить в армии и участвовать в выборах. Снова мы видим тот же паттерн: отказ от политического участия трактуется как политическое преступление.

Трагическая ирония современной ситуации заключается в том, что Российская Федерация в 1990-е годы официально признала преступность этих действий. Указ Президента РФ от 14 марта 1996 года № 378 «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий» и Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» (1991) недвусмысленно утверждают: преследование за веру было актом государственного террора. Свидетели Иеговы получили статус жертв политических репрессий, им были выданы соответствующие удостоверения, а государство принесло извинения.

Однако решение 2017 года вступило в резкое противоречие с логикой этой реабилитации. Государство совершило правовой кульбит: люди, признанные жертвами репрессий за свои убеждения, вновь были объявлены преступниками за те же самые убеждения, не изменив в них ни йоты. Это свидетельствует о глубоком правовом нигилизме и разрыве преемственности с гуманистическими принципами, заложенными в Конституции 1993 года.

Юридический парадокс: пацифисты-экстремисты

Центральным элементом современной российской репрессивной машины является понятие «экстремизм». Изначально этот термин в международном праве ассоциировался с насилием, терроризмом и вооруженной борьбой. Однако в российском законодательстве (Федеральный закон № 114-ФЗ) определение экстремизма было искусственно расширено настолько, что из него исчез обязательный признак насилия.

Это создало юридическую ловушку, в которую неизбежно попадают Свидетели Иеговы. Их литература и устные проповеди содержат утверждения о том, что их вера является единственно истинной, а другие религии заблуждаются. В нормальном правовом поле это является реализацией свободы слова и совести. В искаженном поле российского «антиэкстремизма» это квалифицируется как «возбуждение религиозной розни» и «пропаганда неполноценности граждан по признаку их отношения к религии».

Сравним это с нацистской практикой. В Третьем рейхе существовала концепция «защитного ареста» (Schutzhaft), позволявшая изолировать людей без суда, если они считались потенциально опасными для государства. Современная российская практика включения верующих в список террористов и экстремистов Росфинмониторинга нередко еще до вступления приговора в законную силу, а иногда и на более ранних стадиях преследования, по данным правозащитников, выполняет ту же функцию социальной смерти. Он становится изгоем, «гражданским мертвецом», еще до того, как его вина будет доказана.

Особенно цинично выглядит обвинение в экстремизме группы, которая известна своим абсолютным отказом брать в руки оружие. В нацистской Германии за отказ от военной службы Свидетелей Иеговы казнили; исследователи и мемориальные источники говорят о сотнях казней и более чем тысяче погибших Свидетелей Иеговы в годы нацистского режима. В современной России их отправляют в колонии на сроки, сопоставимые со сроками за тяжкие насильственные преступления; в 2024 году выносились приговоры свыше восьми лет лишения свободы. Логика репрессий остается неизменной: пацифизм, не санкционированный властью, приравнивается к предательству.

Микро-кейс: Цена исторической амнезии

Абстрактные юридические формулировки всегда имеют конкретное человеческое измерение. Ярким примером того, как историческая спираль замыкается на судьбах конкретных людей, является дело Александра Лубина из Шадринска (Курганская область).

Александр Лубин, 65-летний на момент ареста и 68-летний на момент смерти инвалид II группы, имевший серьезные проблемы с сосудами и нуждавшийся в постоянном доступе к кислороду, был задержан в ходе массовых облав. Несмотря на тяжелое состояние здоровья, его удерживали в СИЗО, что правозащитники квалифицировали как пытку. Суд признал его виновным в участии в деятельности или, по версии следствия на разных этапах, организации деятельности экстремистской организации исключительно за то, что он обсуждал Библию с единоверцами. Ему был назначен огромный штраф в 500 тысяч рублей. Организм пожилого человека не выдержал стресса судебного преследования и условий содержания: вскоре после приговора, в ноябре 2024 года, он скончался.

Этот случай — не эксцесс исполнителя, а закономерный результат работы системы. Как и в случае с нацистскими «судами чести», задача современного российского суда по делам Свидетелей Иеговы — не установить истину, а оформить политическое решение о ликвидации инакомыслия. История Лубина показывает, что уголовное преследование мирного верующего в современной России способно приводить к последствиям, сопоставимым по своей жестокости с практиками политически мотивированного подавления прошлого.

Механизм дегуманизации: от «Апологетического центра» до «сектоведения»

Репрессии невозможны без предварительной идеологической подготовки. Население должно быть убеждено, что преследуемая группа не заслуживает сочувствия. В нацистской Германии эту роль выполнял «Апологетический центр» (Apologetische Centrale), возглавляемый теологом Вальтером Кюннетом. Эта структура, тесно сотрудничавшая с гестапо, генерировала псевдонаучные труды, доказывающие вредоносность «сект» для немецкого духа. Кюннет и его коллеги создавали образ врага: скрытного, управляемого из-за рубежа (из Бруклина), чуждого национальным традициям.

В современной России мы наблюдаем функционально зеркальное отражение этой деятельности. Роль Кюннета фактически исполняют современные «сектоведы» и антикультовые центры, которые на протяжении двух десятилетий формировали в

общественном сознании образ Свидетелей Иеговы как «тоталитарной секты», зомбирующей людей и разрушающей семьи. Риторика о «защите традиционных ценностей» и «духовной безопасности», используемая сегодня, структурно идентична нацистской риторике о «защите немецкой крови и чести».

Этот процесс дегуманизации позволяет обществу равнодушно взирать на то, как мирных соседей, учителей, инженеров и пенсионеров отправляют за решетку. Пропаганда создает барьер: «они не такие, как мы», «они фанатики», «они агенты Запада». Именно этот механизм позволил в 1930-е годы обычным немцам игнорировать исчезновение соседей-евреев или Исследователей Библии, а сегодня позволяет россиянам не замечать репрессий, разворачивающихся в их городах.

Корень конфликта: Нейтралитет как преступление

Почему же тоталитарные режимы с такой настойчивостью преследуют именно эту, казалось бы, безобидную группу? Ответ кроется в природе тоталитаризма. Тоталитарное государство претендует не просто на политическую лояльность, но на полное обладание человеком — его телом, разумом и душой. Оно требует идолопоклонства: вождь, партия или нация возводятся в ранг божества.

Свидетели Иеговы, заявляя о своей исключительной преданности Богу, совершают в глазах такого государства тягчайшее преступление. Их нейтралитет — отказ от партийно-государственной лояльности, участия в военной службе и символических практиках политического подчинения — воспринимается как вызов суверенитету государства. Для Гитлера отказ произнести «Хайль Гитлер» был личным оскорблением. Для современной российской системы, строящей свою легитимность на культе милитаризма и сакрализации власти, отказ участвовать в этом является актом экзистенциальной угрозы.

В концлагерях СС коменданты часто предлагали Свидетелям Иеговы свободу в обмен на подпись под документом об отречении от веры (Erklärung). Это уникальный факт: ни евреи, ни цыгане, ни политические заключенные не имели такой опции.

Нацистам нужно было не физическое уничтожение этих людей, а их моральный слом, признание верховенства нацистской идеологии над религиозной совестью.

Сегодня в российских судах и на допросах в ФСБ происходит сходный по функции нажим на совесть обвиняемых. В ряде свидетельств верующие описывают давление, сводящееся к требованию дистанцироваться от своей религии и признать ее экстремистской. Отказ от этого предложения ведет в колонию. Это доказывает, что целью репрессий является не борьба с преступностью, а принуждение к идеологическому конформизму.

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что преследование Свидетелей Иеговы в России после 2017 года не является случайной ошибкой судебной системы. Это системное явление, имеющее глубокие исторические корни и типологическое сходство с репрессиями в нацистской Германии и СССР.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие ключевые структурные параллели:

1. Идеологическая база: В обоих случаях группа объявляется врагом не из-за реальных преступлений, а из-за отказа признать абсолютный примат государства над личностью.
2. Юридическая техника: Использование расплывчатых формулировок («защита народа» / «противодействие экстремизму») для криминализации мирной религиозной практики.
3. Методы пропаганды: Создание образа «внутреннего врага», управляемого из-за рубежа, и использование псевдоэкспертов для обоснования репрессий.
4. Коллективная ответственность: Преследование рядовых верующих за факт принадлежности к конфессии, а не за личные деяния.

История сделала полный оборот. Страна, победившая нацизм, спустя 72 года после Великой Победы, взяла на вооружение методы своего поверженного врага в борьбе с инакомыслием. Запрет Свидетелей Иеговы стал лакмусовой бумажкой, показавшей, что

механизмы защиты прав человека в России демонтированы, а судебная система превратилась в инструмент политической расправы.

Однако, если история чему-то и учит, так это тому, что репрессии против «канареек в угольной шахте» — это всегда лишь прелюдия к более масштабным потрясениям для всего общества. Когда государство объявляет преступлением чтение Библии в кругу друзей, оно неизбежно приходит к тому, чтобы объявить преступлением любую мысль, не санкционированную сверху.

Документы свидетельствуют: в 1933 году запрет Свидетелей Иеговы стал одним из первых шагов нацистов по унификации общества (Gleichschaltung). Современная Россия, похоже, старательно переписывает этот конспект, забывая заглянуть в конец учебника истории, чтобы узнать, чем заканчиваются подобные эксперименты.

«Кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его вновь» — эта фраза Джорджа Сантаяны звучит сегодня не как философская максима, а как приговор, вынесенный в зале Верховного суда.

Глава 2. Монополия на душу: роль РПЦ и идеология «духовной безопасности»

В современной политологии и социологии религии существует термин «симфония властей» — византийская концепция гармоничного взаимодействия церкви и государства. Однако в российских реалиях XXI века эта симфония зазвучала как военный марш. Анализ событий, предшествовавших запрету Свидетелей Иеговы в 2017 году, и последующих репрессий позволяет выдвинуть обоснованный тезис: Русская Православная Церковь (РПЦ) выступила не просто пассивным бенефициаром устранения конкурентов, но одним из ключевых идеологических и институциональных союзников репрессивной машины.

«Каноническая территория»: геополитика вместо теологии

Для понимания мотивации РПЦ в преследовании религиозных меньшинств необходимо деконструировать ключевое понятие современной церковной дипломатии — «каноническая территория». В устах иерархов Московского патриархата этот термин давно утратил свое первоначальное церковно-административное значение и приобрел черты геополитической доктрины. Согласно этой концепции, Россия и постсоветское пространство, которое РПЦ традиционно относит к своей сфере пастырской ответственности, являются преимущественной зоной ответственности РПЦ, где любые другие религиозные движения воспринимаются не как соседи, а как интервенты.

В 1990-е годы, когда «железный занавес» рухнул, российское общество переживало бум религиозного поиска. Миллионы людей, воспитанных в атеизме, обратились к Библии. В этот период Свидетели Иеговы, протестанты и другие группы демонстрировали стремительный рост, заполняя вакуум, образовавшийся после краха коммунистической идеологии. Для административного аппарата РПЦ это стало сигналом тревоги. Не имея навыков конкурентной борьбы за умы в условиях свободного рынка идей, церковное руководство выбрало стратегию административного протекционизма.

Документы свидетельствуют, что лоббирование ограничительных мер началось задолго до 2017 года. Уже в 1997 году, при существенной поддержке Патриархии, был принят новый Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», который существенно урезал права «нетрадиционных» конфессий. В преамбуле закона было закреплено признание «особой роли православия в истории России», что стало первым юридическим кирпичом в стене, отделяющей «правильных» верующих от «второго сорта».

Доктрина «Духовной безопасности»

Ключевым инструментом легитимизации репрессий стала концепция «духовной безопасности». Этот термин, не являющийся самостоятельной конституционной или

базовой законодательной категорией, был активно введен в публичный и политико-административный дискурс в начале 2000-х годов. Его суть сводится к утверждению, что религиозный плюрализм может рассматриваться как угроза национальной безопасности, а сохранение «духовного суверенитета» требует ограничительных мер.

В 2000 году была принята «Концепция национальной безопасности Российской Федерации», в которой впервые на государственном уровне прозвучал тезис о необходимости противодействия «негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров». Фактически, государство делегировало РПЦ функцию определения того, что является «духовным», а что — «угрозой».

Анализ «Основ социальной концепции РПЦ», принятых Архиерейским собором в том же 2000 году, показывает интересную двойственность. С одной стороны, документ декларирует возможность гражданского неповиновения, если государство принуждает к греху. С другой стороны, в разделе «Война и мир» церковь допускает участие христиан в войне и религиозно-нравственное оправдание войны при определенных условиях, что в дальнейшем стало частью более широкой милитаризованной риторики.

Свидетели Иеговы с их абсолютным пацифизмом и отказом от участия в любых военных конфликтах стали идеальным антагонистом для этой новой государственной религии. Их позиция «мы не берем в руки оружие» в парадигме «духовной безопасности» была перекодирована как «они подрывают обороноспособность страны». Таким образом, теологический спор о Троице или иконах был подменен вопросом о лояльности милитаристскому курсу государства.

Институциональная память: тени спецслужб в алтаре

Невозможно игнорировать исторический бэкграунд, на котором формировался этот альянс. Современная структура Московского патриархата была воссоздана при решающем участии сталинского государства в 1943 году и на протяжении всего советского периода находилась под плотным контролем Совета по делам религий и органов госбезопасности.

Архивные документы, ставшие доступными в начале 1990-х (в частности, материалы комиссии Глеба Якунина), подтверждают, что значительная часть высшего епископата имела агентурные псевдонимы и регулярно отчитывалась перед кураторами из госбезопасности. Агенты «Дроздов», «Святослав», «Адамант», «Михайлов» — за этими кличками скрывались люди, определявшие политику церкви десятилетиями.

После распада СССР люстрация в церковных рядах проведена не была. Кадровая преемственность сохранилась. Более того, методы работы с инакомыслием — доносы, использование административного ресурса, закрытость — были перенесены в новую эпоху. Как отмечают исследователи, РПЦ не просто сотрудничает со спецслужбами; на институциональном уровне происходит диффузия: церковь перенимает стиль работы спецслужб (секретность, иерархичность, поиск врагов), а спецслужбы сакрализируют свою деятельность, перенимая церковную риторику о «священном долге».

Этот симбиоз ярко проявился в создании института «сектоведения». В нормальной академической науке такого термина нет в качестве общепринятой академической дисциплины, сопоставимой по статусу с религиоведением или социологией религии; есть социология религии, религиоведение. «Сектоведение» же — это дисциплина не исследовательская, а полицейская. Ее цель — не изучить объект, а обосновать необходимость его ликвидации.

Внедрение языка вражды: «Тоталитарная секта» как клеймо

Роль РПЦ в подготовке репрессий наиболее отчетливо видна в лингвистической интервенции. Именно антикультовые церковные структуры, в частности Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ириния Лионского, возглавляемый Александром Дворкиным (о деятельности которого мы поговорим отдельно), внедрили в российский правовой и общественный оборот термин «тоталитарная секта».

Этот термин не имеет юридического определения. Ни в Уголовном кодексе, ни в законе о религиозных объединениях нет критериев, по которым организацию можно отнести к «тоталитарным сектам». Однако, благодаря систематическому использованию

этого ярлыка в церковных проповедях, епархиальных отчетах и выступлениях иерархов, он приобрел квази-юридическую силу.

Механизм работает следующим образом:

1. Антикультовые представители направляют в местную администрацию или прокуратуру письмо с «обеспокоенностью» деятельностью «тоталитарной секты» в регионе.

2. В письме используются цитаты из антикультовых брошюр, изданных по благословению церковного начальства, где верующим приписываются преступления (разрушение семей, доведение до самоубийства), не подтвержденные судебными решениями.

3. Правоохранительные органы, часто имеющие соглашения о сотрудничестве с епархией, воспринимают это как сигнал к действию.

4. Начинаются проверки, которые, в свою очередь, освещаются в СМИ как «борьба с опасными сектантами».

Показателен пример Белгородской области, которая под руководством губернатора Евгения Савченко и при полном идеологическом окормлении митрополита Иоанна стала своего рода полигоном для отработки антисектантских мер задолго до федерального запрета. Еще в начале 2000-х там был принят местный закон «О миссионерской деятельности», ограничивающий права неправославных групп. Этот региональный опыт «симфонии» силовиков и священников впоследствии был масштабирован на всю страну.

Экспертные советы: инквизиция в мантии экспертов

Одним из самых эффективных инструментов влияния РПЦ на судебную систему стало формирование так называемых Экспертных советов по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ.

В 2009 году состав Совета был радикально обновлен. Вместо независимых ученых-религиоведов в него вошли люди, тесно связанные с РПЦ, включая Александра Дворкина и других активистов антикультового движения. Это создало ситуацию

конфликта интересов, немыслимую в правовом государстве: представители одной конфессии получили официальные полномочия выносить вердикты в отношении своих прямых конкурентов.

Именно эти «эксперты» готовили заключения, которые ложились в основу судебных решений о признании литературы Свидетелей Иеговы экстремистской. Лингвистические и религиозные экспертизы часто проводились людьми, чья профильность и методология вызвали серьезные вопросы у правозащитников и независимых религиоведов.

В судебных процессах мы неоднократно наблюдали, как аргументы прокурора дословно совпадали с текстами из справочников «Сектоведение». Тезис о том, что утверждение «истинная вера только у нас» является разжиганием розни, — это изобретение именно церковных апологетов, которое было с благодарностью принято прокуратурой. Цинизм ситуации заключается в том, что православные богослужебные тексты содержат аналогичные утверждения об исключительности православия и ложности ересей, но в отношении «титульной» религии закон об экстремизме чудесным образом не работает.

Микро-кейс: Дело отца Владимира Головина и внутренняя зачистка

Чтобы доказать, что репрессивная машина РПЦ заточена не на защиту чистоты веры, а на защиту монополии власти, достаточно взглянуть на то, как система поступает со своими собственными диссидентами.

Показательным является дело протоиерея Владимира Головина из города Болгар (Татарстан). Головин создал успешную общину, привлекавшую тысячи паломников со всей страны. Его проповеди в интернете набирали миллионы просмотров, а практика «молитвы по соглашению» стала массовым феноменом. Однако его независимость, финансовая автономность и популярность вызвали раздражение священноначалия.

Против Головина был задействован тот же инструментарий, что и против Свидетелей Иеговы. Сначала — информационная кампания с обвинениями в создании «секты внутри церкви». Затем — подключение антикультовых активистов (РАЦИРС),

которые написали «экспертные заключения» о неправославности его практик. В итоге в 2019 году Головин был лишен сана.

Еще более жестким примером является преследование священника Георгия Кочеткова и его Преображенского братства. Несмотря на то, что братство состоит из лояльных членов РПЦ, их стремление к осознанной вере, переводу богослужения на русский язык и общинной жизни вызвало яростное сопротивление консервативного крыла. Их обвиняли в «неообновленчестве» и «сектантстве».

Эти случаи демонстрируют: для церковной бюрократии любой неконтролируемый горизонтальный рост, любая живая инициатива снизу является угрозой. Структура РПЦ выстроена по жесткой вертикали, копирующей государственную, и не терпит автономии. Свидетели Иеговы с их развитым самоуправлением и отсутствием разделения на клир и мирян (каждый крещеный является проповедником) представляют собой антипод этой иерархической модели, что делает их экзистенциальным врагом на уровне организационной ДНК.

«Священная война» и милитаризация сознания

События 2022–2024 годов окончательно сорвали маски. Патриарх Кирилл и высшее духовенство открыто поддержали военные действия, придав им метафизический статус «священной войны». В храмах была введена обязательная «Молитва о Святой Руси» с прошением о победе. Священники, дерзнувшие заменить слово «победа» на слово «мир» (как, например, иерей Иоанн Коваль), были немедленно запрещены в служении и лишены сана церковным судом.

В этом контексте преследование Свидетелей Иеговы приобретает завершенную логику. Это не просто борьба с ересью. Это зачистка тыла. В государстве, которое строит свою идентичность на культе силы и противостоянии Западу, не может быть места группе, которая учит, что «Бог есть любовь» и что христианин не должен учиться воевать.

РПЦ предложила государству устойчивый союз: церковь обеспечивает сакральную легитимацию власти и идеологическое сопровождение государственного курса, а

государство расширяет ее институциональные привилегии и фактическое доминирование в публичном религиозном поле.

Соглашения о сотрудничестве: документальный след

Симбиоз церкви и силовиков — это не метафора, а юридический факт. Существует целый ряд официальных соглашений о сотрудничестве между Московским патриархатом и силовыми ведомствами: Министерством обороны, МВД, ФСИН. Официальные документы РПЦ и партнерских структур подтверждают, по меньшей мере, такие соглашения с Минобороны и ФСИН, а также системное взаимодействие с правоохранительными учреждениями.

В рамках этих соглашений священники получают доступ в воинские части и тюрьмы, часто становясь единственными представителями религии, допущенными к личному составу и заключенным. Одновременно с этим доступ для представителей других конфессий нередко оказывается существенно более ограниченным или институционально несопоставимым. Более того, в рамках этих соглашений проводятся совместные конференции и семинары, где сотрудники силовых и пенитенциарных структур знакомятся с повесткой «духовной безопасности» и церковной трактовкой религиозной угрозы.

Именно на таких закрытых семинарах формируется образ врага. Оперативникам объясняют, что бабушка с Библией — это не просто верующая, а агент влияния, завербованный западными спецслужбами для разрушения «духовного кода» России. Полицейская паранойя оплодотворяется псевдорелигиозной конспирологией, порождая чудовищные формы правоприменения.

Выводы

Анализ роли РПЦ в преследовании Свидетелей Иеговы приводит нас к неутешительному заключению. Мы имеем дело с феноменом государственного клерикализма, где церковь отказалась от своей евангельской миссии быть «солью

земли» и голосом совести, предпочтя роль идеологического департамента при авторитарном режиме.

Идеология «духовной безопасности» оказалась идеальным инструментом для подмены понятий. Под видом защиты традиций происходит консервация архаичных форм управления обществом. Под видом борьбы с экстремизмом уничтожается свобода совести.

Церковь, которая сама прошла через страшные гонения в XX веке, не выработала иммунитета к насилию. Напротив, она усвоила методы своих гонителей. Как жертва насилия, ставшая абьюзером, РПЦ воспроизводит травму тоталитаризма, проецируя ее на тех, кто слабее.

Документ, который лучше всего резюмирует эту главу, — это не судебное решение и не патриарший указ, а фотография, сделанная во время освящения храма Вооруженных сил РФ. На ней священнослужители в золотых ризах стоят на фоне фресок, изображающих оружие и солдат, а цвет хаки сливается с золотом куполов. Это визуальное свидетельство того, что монополия на душу в современной России неразрывно связана с монополией на насилие. И в этой системе координат Свидетели Иеговы виновны уже тем, что отказываются поклоняться этому гибриднему божеству войны и государства.

Глава 3. Феномен антикультового движения

Любая масштабная кампания по уничтожению социальной группы требует не только силового ресурса, но и теоретического обоснования. Прежде чем жандарм поднимет дубинку, а судья подпишет приговор, в общественном сознании должна быть проведена кропотливая работа по расчеловечиванию жертвы. Репрессии нуждаются в

словаре, который превращает соседа в «чужого», верующего — в «фанатика», а молитву — в «вербовку».

В современной России монополия на создание этого словаря принадлежит не академическим институтам и не законодателям, а специфическому конгломерату организаций, известному как «антикультовое движение». Долгое время деятельность этих активистов воспринималась как маргинальная борьба за чистоту православия, однако анализ событий последнего десятилетия показывает: мы имеем дело с влиятельной внеакадемической и окологосударственной сетью, а не просто с маргинальным кружком.

Чтобы понять природу ненависти, захлестнувшей российские суды, необходимо обратиться к фигуре человека, который фактически единолично сконструировал современный российский дискурс о религиозных меньшинствах. Александр Леонидович Дворкин — имя, которое неизменно всплывает в каждом громком процессе против Свидетелей Иеговы, кришнаитов, пятидесятников или сайентологов.

Официальная биография представляет его как профессора и исследователя. Однако детальный анализ его карьеры и методов работы вскрывает картину, далекую от академической науки. Эмигрировав из СССР в 1977 году и прожив долгие годы в США, Дворкин не сумел построить там успешную академическую карьеру. Его возвращение в Россию в начале 1990-х совпало с периодом духовного вакуума и поиска новой идентичности. Именно тогда он импортировал на российскую почву идеи западного антикультового движения (АСМ), которые на Западе к тому времени уже подвергались серьезной критике за нарушение прав человека и использование методов насильственного «депрограммирования».

Дворкин ввел в российский оборот термин «тоталитарная секта». Важно подчеркнуть: этого понятия не существует в российском законодательстве. Ни Конституция, ни Закон «О свободе совести», ни Уголовный кодекс не содержат определения «тоталитарной секты». Это идеологический ярлык, лингвистический конструкт, призванный вызывать страх и отторжение. Тем не менее, благодаря усилиям Дворкина и его публичному влиянию, этот термин де-факто стал частью административного и медийного лексикона.

В 1993 году был создан «Информационно-консультационный центр св. Ирины Лионского». Под вывеской просветительской организации начала формироваться структура, чьей основной публичной миссией стала борьба с религиозным инакомыслием. Методология Дворкина базировалась не на религиоведческом анализе доктрин, а на сборе компромата, слухов и «свидетельств пострадавших», часто непроверенных или сфабрикованных.

РАЦИРС: спрут с благословения государства

В 2006 году разрозненные антисектантские центры были объединены в РАЦИРС — Российскую ассоциацию центров изучения религий и сект. Эта структура, президентом которой стал Александр Дворкин, покрыла своей сетью всю страну. Формально являясь общественной организацией, РАЦИРС фактически выполняет функции идеологического лобби при РПЦ и в контакте с государственными институтами.

Анализ деятельности РАЦИРС позволяет выделить ключевые направления их работы, которые структурно копируют методы нацистского «Апологетического центра» Вальтера Кюннета:

1. Сбор досье: Создание баз данных на лидеров и активных членов религиозных групп.
2. Инфильтрация: Внедрение агентов на богослужения для ведения скрытой записи (материалы которой затем передаются в Центр «Э»).
3. Медиа-атаки: Организация заказных публикаций в региональной прессе с целью подготовки общественного мнения к репрессиям.
4. Лоббирование: Давление на местные администрации с требованием расторгнуть договоры аренды с «сектантами».

Особую тревогу вызывает международный аспект деятельности РАЦИРС. Организация тесно связана с FECRIS (Европейской федерацией центров исследований и информирования о сектантстве). Александр Дворкин долгое время занимал в FECRIS пост вице-президента. Штаб-квартира FECRIS находится во Франции, и организация

получала государственную поддержку во Франции, что неоднократно становилось предметом критики.

Возникает парадоксальная ситуация, граничащая с государственной изменой в логике самих же российских «патриотов»: идеологическая база для преследования российских граждан формируется при участии и финансовой поддержке иностранной организации. В то время как в стране объявляют «иностранцами агентами» правозащитников и экологов, структура Дворкина, тесно интегрированная в западную антикультовую сеть, пользуется полным иммунитетом и государственной поддержкой. Это доказывает, что риторика о «защите суверенитета» — лишь ширма; реальная цель — подавление любой независимой активности.

«Сектоведение» как инструкция по ненависти

Главным идеологическим оружием антикультистов стала книга Александра Дворкина «Сектоведение. Тоталитарные секты». Этот труд, рекомендованный в качестве учебного пособия для духовных семинарий и даже некоторых светских вузов, при внимательном рассмотрении представляет собой хрестоматию языка вражды.

Юрико-лингвистический анализ текста, проведенный независимыми экспертами, выявляет систематическое использование манипулятивных приемов. Дворкин не просто критикует оппонентов — он их дегуманизирует. Используется лексика из области патологии и криминалистики: религиозные организации называются «раковыми опухолями», «метастазами», «мафиозными структурами», «концлагерями». Верующие описываются как «зомби», «биороботы», «рабы», лишенные собственной воли.

Такая риторика имеет конкретную цель: вывести объект преследования за рамки моральных обязательств. Если перед вами не человек с иными убеждениями, а «зомбированный адепт деструктивного культа», то к нему неприменимы нормы права и морали. Его не нужно уважать, его нужно «спасать» — даже насильно, даже через тюрьму.

Цинизм ситуации заключается в том, что книга «Сектоведение» использует язык, который при его применении со стороны религиозного меньшинства вполне мог бы стать объектом внимания российских антиэкстремистских механизмов. Однако, благодаря покровительству в высоких кабинетах, она остается легальной, в то время как различные материалы Свидетелей Иеговы признавались экстремистскими. в то время как Библия в переводе Нового мира запрещена.

Захват экспертизы: конфликт интересов как норма

Ключевым этапом в институционализации антикультизма стал 2009 год, когда Александр Дворкин возглавил Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ. Это событие ознаменовало резкое усиление влияния антикультового движения на государственную экспертизу в религиозной сфере.

Представьте себе ситуацию, когда в споре двух хозяйствующих субъектов судьей назначают генерального директора одной из фирм-конкурентов. Именно это произошло в сфере государственно-конфессиональных отношений. Человек, сделавший карьеру на борьбе с «нетрадиционными религиями», получил официальные полномочия решать их судьбу.

Под руководством Дворкина Экспертный совет превратился в инквизиционный трибунал. Из его состава были вытеснены профессиональные религиоведы, придерживающиеся принципов научного нейтралитета. Их места заняли активисты РАЦИРС и лояльные РПЦ теологи.

Механизм работы Совета прост и убийственен:

1. Минюст получает запрос на регистрацию или проверку религиозной организации.
2. Запрос передается в Совет.
3. Совет, опираясь не на уставные документы и реальную деятельность, а на собственные идеологические установки и материалы антикультовых сайтов, выдает

закключение: организация является «деструктивной», ее учение «разжигает рознь» (потому что утверждает свою истинность).

4. На основании этого заключения Минюст подает иск о ликвидации или запрете.

Именно этот механизм был задействован в подготовке запрета Свидетелей Иеговы. «Экспертизы», ложившиеся в основу судебных решений, часто писались людьми, не имеющими профильного образования. Научная несостоятельность этих текстов очевидна любому специалисту, но для судов, работающих в режиме политического заказа, штампа «Экспертный совет Минюста» было достаточно.

Индустрия «депрограммирования»: бизнес на горе

Антикультизм — это не только идеология, но и инфраструктура влияния, в которой страх может конвертироваться в финансирование, статус и административные связи. Организации, входящие в антикультовую среду, получали государственные гранты и иную институциональную поддержку, в том числе на проекты, связанные с профилактикой экстремизма и «духовно-нравственным воспитанием».

Кроме того, существует рынок «реабилитационных услуг». Родителям, чьи дети ушли в «нетрадиционные» религии, предлагают платные услуги по «выводу из секты». Стоимость таких услуг может быть довольно значительной, а сами практики нередко строятся на психологическом давлении, изоляции и демонизации религиозного выбора человека.

Александр Дворкин и его соратники создали самоподдерживающуюся систему. Они сами придумывают угрозу («тоталитарные секты»), сами ее раздувают через СМИ, сами проводят экспертизы, подтверждающие опасность, и сами же получают государственное финансирование на борьбу с этой угрозой. Это идеальный замкнутый цикл паразитирования на общественном теле.

Международный след: роль FECRIS в легитимации репрессий

Нельзя недооценивать роль международной поддержки. Ссылка на членство в FECRIS позволяет российским антикультистам утверждать, что они действуют в русле общеевропейских трендов. «Посмотрите, во Франции тоже борются с сектами!» — этот аргумент часто звучит в дискуссиях.

Однако реальность такова, что FECRIS сама является объектом жесткой критики в Европе. В 2020 году Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) в своем отчете прямо назвала деятельность FECRIS угрозой для свободы совести, отметив, что эта организация распространяет негативные стереотипы о религиозных меньшинствах.

Российское отделение FECRIS (РАЦИРС) пошло гораздо дальше своих европейских коллег. Если в Европе деятельность антикультистов ограничена рамками правового государства и свободной прессы, то в России, в условиях авторитарного режима, они получили карт-бланш на использование репрессивного аппарата. Александр Дворкин, будучи вице-президентом FECRIS (до недавнего времени), активно использовал эту международную трибуну для оправдания действий российских властей, создавая видимость того, что преследование Свидетелей Иеговы — это нормальная мировая практика.

Выводы

Анализ феномена антикультового движения в России приводит нас к выводу, что мы имеем дело с уникальным гибридным образованием. Это не государственная структура, но она обладает неформальным влиянием, сопоставимым с влиянием государственных институтов в своей сфере. Это не религиозная организация, но она диктует религиозные нормы. Это не научный институт, но она монополизировала значительную часть экспертного поля.

Александр Дворкин и созданная им сеть РАЦИРС выступили в роли архитекторов ненависти, разработав чертежи, по которым впоследствии была построена тюрьма для свободы совести. Они внебрили в общественное сознание вирус нетерпимости,

подменили правовые понятия идеологическими ярлыками и создали псевдонаучное обоснование для репрессий.

Их деятельность доказала страшную эффективность: слово может убивать. Термины «деструктивный культ» и «тоталитарная секта», не имеющие под собой юридической почвы, стали фундаментом для реальных тюремных сроков. Антикультисты сумели убедить государство, что мирные граждане с Библией в руках опаснее коррупционеров и убийц.

Однако самым опасным итогом их работы стало даже не изменение законодательства, а изменение морального климата в обществе. Им удалось нормализовать дискриминацию. Когда общество перестает видеть в «сектанте» человека, оно готово оправдать любую жестокость по отношению к нему.

Документ, который ставит точку в этой главе, — это рекомендация USCIRF публично осудить Александра Дворкина и центр св. Ирины Лионского за продолжающуюся кампанию дезинформации против религиозных меньшинств.

Глава 4. Юридический абсурд: технология фабрикации «экстремизма»

В любой правовой системе существует презумпция разумности законодателя: предполагается, что законы пишутся для защиты общества от реальных угроз, а юридические термины имеют четкие границы. Однако анализ российской судебной практики 2009–2024 годов в отношении религиозных меньшинств заставляет усомниться в действии этого принципа. Мы наблюдаем феномен, который в юридической науке можно квалифицировать как «правовой сюрреализм»: ситуацию, когда формальное соблюдение процессуальных норм приводит к результатам, прямо противоречащим здравому смыслу и фундаментальным правам человека.

Центральным элементом этой системы стало понятие «экстремизм». В публичном и правозащитном восприятии экстремизм обычно ассоциируется прежде всего с насилием, терроризмом и опасной радикализацией, то в российском правовом поле произошло опасное расширение этого понятия. Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» изначально содержал настолько широкие формулировки, что их применение стало возможно далеко за пределами насильственных деяний. Это создало юридическую ловушку гигантских масштабов: теперь «экстремистом» может быть признан человек, который не только не берет в руки оружие, но и принципиально отвергает насилие, однако имеет неосторожность считать свою веру единственно истинной.

Корень проблемы кроется в формулировках. Российское антиэкстремистское законодательство, сформированное в начале 2000-х годов, изначально было направлено на борьбу с терроризмом и сепаратизмом. Однако со временем в определение экстремистской деятельности был включен пункт о «пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии».

На первый взгляд, норма кажется справедливой — она направлена против расизма и шовинизма. Но в руках правоприменителей она превратилась в инструмент подавления религиозной полемики. Любая монотеистическая религия (христианство, ислам, иудаизм) по своей природе может содержать эксклюзивистские утверждения об истине и спасении. Верующий убежден, что его путь к спасению — истинный, а остальные — ошибочные. Если следовать букве российского закона, слова Христа «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Иоанна 14:6) могут оказаться в зоне опасной для правоприменения интерпретации, так как утверждают исключительность христианского пути.

Именно этот логический парадокс стал основой для преследования Свидетелей Иеговы. В их литературе содержатся утверждения о том, что они знают истину о Боге, а традиционные церкви заблуждаются. Прокуратура и суды, игнорируя теологический контекст, квалифицировали это как «возбуждение религиозной розни» или как признаки экстремистского содержания. Таким образом, теологический спор был

криминализован. Государство фактически запретило религиозную конкуренцию, приравняв критику других конфессий к угрозе общественной безопасности.

Индустрия заказных экспертиз: легитимация произвола

Судья, как правило, не является специалистом в теологии, лингвистике или психологии. Для вынесения решения о том, является ли текст экстремистским, суд обязан опираться на мнение экспертов. Именно на этом этапе происходит подмена права псевдонаукой. В России сформировался целый кластер экспертиз, объективность и научная добросовестность которых многократно оспаривались и правозащитниками, и независимыми специалистами.

По оценкам международных экспертов, SOVA и специалистов, комментировавших дела Свидетелей Иеговы, используемые в таких процессах «экспертные анализы» нередко не соответствуют базовым научным стандартам и обслуживают обвинительную конструкцию. Вместо научного анализа суды получают идеологически мотивированные тексты.

Механизм работает безотказно:

1. Следователь направляет материалы на экспертизу в удобное для обвинения учреждение или к лояльным специалистам.
2. Эксперты могут не обладать профильной специализацией именно в религиоведении и анализе религиозного дискурса.
3. В заключении используются спорные методики и идеологически окрашенные источники.
4. Вывод эксперта становится основой приговора.

Показательным является тот факт, что в ряде случаев экспертные заключения содержат методологически слабые или тенденциозные построения, выдаваемые за научный анализ. Лингвистическая экспертиза сводится к поиску слов-маркеров («истина», «ложный», «мир сатаны»), наличие которых автоматически трактуется как враждебность. Именно такой редукционистский подход — вырывание религиозных выражений из богословского контекста и их механическое превращение в

доказательство «розни» — критиковали как независимые специалисты, так и международные наблюдатели.

Чтобы понять, что преследование Свидетелей Иеговы — это не изолированный случай, а результат работы системного конвейера, необходимо обратиться к прецеденту 2011–2012 годов в Томске. Тогда прокуратура попыталась признать экстремистской книгу «Бхагавад-гита как она есть» — русскоязычный комментированный перевод священного индуистского текста.

Сценарий был схож тому, что позже применили к Свидетелям Иеговы. Экспертизу проводили сотрудники Томского государственного университета (ТГУ) — Сергей Аванесов, Валерий Свистунов и Валерий Наумов. Важно отметить, что университет официально открестился от этой экспертизы, заявив, что не уполномочивал сотрудников на ее проведение. Тем не менее, эти «эксперты» нашли в древнем тексте признаки «разжигания религиозной вражды» и «унижения достоинства человека».

Аргументация строилась на том, что текст критикует материалистов и называет их «глупцами» или «демонами» (в теологическом смысле). Эксперты интерпретировали это как оскорбление неопределенной группы. Абсурдность ситуации достигла международного масштаба: процесс вызвал протесты в Индии, широкий международный резонанс и едва не привел к дипломатическому скандалу. В итоге Ленинский районный суд Томска отказал, а затем Томский областной суд оставил этот отказ в силе в признании книги экстремистской, но этот кейс стал важным маркером. Он показал, что прокуратура готова атаковать религиозные тексты, используя один и тот же шаблон, и что часть «экспертного сообщества» готова этот шаблон обслуживать.

Таганрогский прецедент: лаборатория запрета

Если в случае с кришнаитами система дала сбой на фоне широкой общественной и международной реакции, то на Свидетелях Иеговы механизм был отработан до конца. Полигоном стал город Таганрог. В 2009 году Ростовский областной суд признал местную религиозную организацию экстремистской и постановил ее ликвидировать.

Это дело примечательно тем, как суд обошелся с доказательной базой. В материалах дела имелось заключение экспертов Южного регионального центра судебной экспертизы при Минюсте России. Эксперты — психологи, филологи и религиоведы — пришли к выводу, что совокупные выводы экспертов не подтверждали наличие в литературе признаков экстремизма. Казалось бы, дело должно быть закрыто.

Однако суд поступил иначе. Как отмечено в докладе Уполномоченного по правам человека в РФ, решение суда основывалось «исключительно на избирательных цитатах экспертного заключения», в то время как общий оправдательный вывод был проигнорирован. Судья фактически взял на себя роль эксперта, выдернув из контекста нужные фразы. Это создало опаснейший прецедент: судебная система показала, что ей не нужна истина, ей нужен повод. Таганрогское решение стало юридическим фундаментом, на котором в 2017 году был построен общероссийский запрет.

Запрет Библии: кульминация правового нигилизма

Апогеем юридического абсурда стала борьба с «Переводом нового мира» — Библией, используемой Свидетелями Иеговы. Российский закон «О противодействии экстремистской деятельности» содержит статью 3.1, которая прямо гласит: «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами». Эта норма была введена в 2015 году после громкого общественного спора вокруг судебной оценки священных текстов.

Однако Ленинградский областной суд (а ранее Выборгский городской суд) сумел обойти этот прямой законодательный запрет. Логика обвинения и суда была поистине иезуитской: «Перевод нового мира» — это не Библия, а издание, которое, по мнению суда, не подпадает под защиту статьи 3.1 закона.

Экспертизу по этому делу проводил «Центр социокультурных экспертиз» (г. Москва). В экспертную комиссию входили Наталия Крюкова, Виктор Котельников и Александр Тарасов; критики решения указывали на отсутствие у этих экспертов профильной библеистической и религиоведческой специализации.

Суд согласился с этим доводом. Фактически, светский суд присвоил себе право решать, какой перевод Священного Писания является «настоящим», а какой — «экстремистским». Это решение не только нарушает закон, но и вторгается в сферу канонического права, что немыслимо в светском государстве. Издание «Священное Писание — Перевод нового мира» было внесено в Федеральный список экстремистских материалов под № 4488, и теперь за ее хранение и распространение предусмотрены правовые риски.

Статья 282.2: криминализация молитвы

После ликвидации юридических лиц Свидетелей Иеговы в 2017 году репрессивная машина столкнулась с проблемой: организации нет, офисы закрыты, счета арестованы, но верующие продолжают собираться по домам. Как квалифицировать их дальнейшую религиозную жизнь?

Для этого была использована статья 282.2 УК РФ («Организация деятельности экстремистской организации»). Следствие применило концепцию «продолжения деятельности». Логика такова: если Верховный суд запретил Управленческий центр, то любая группа верующих, которая продолжает исповедовать ту же религию, автоматически рискует быть обвиненной в «продолжении деятельности» запрещенного юрлица.

Здесь происходит подмена понятий «юридическое лицо» и «вероисповедание». После решения 2017 года Верховный суд ликвидировал юридические лица Свидетелей Иеговы, а в 2021 году Пленум Верховного суда специально разъяснил, что индивидуальное или совместное исповедование религии, богослужения, религиозные обряды и церемонии сами по себе не образуют состава преступления по статье 282.2 УК РФ. Однако до и после этих разъяснений следствие и суды нередко трактовали коллективные молитвы, чтение Библии и совместные песнопения как продолжение деятельности запрещенной организации.

В материалах уголовных дел мы видим, как обычные религиозные практики описываются:

- Совместное пение — «проведение несанкционированного мероприятия».
- Проповедь — «вербовка новых адептов».
- Пожертвования на аренду помещения — «финансирование экстремистской деятельности».
- Старейшины собрания — «организаторы преступной группы».

Таким образом, мирная религиозная жизнь была полностью перекодирована в термины организованной преступности. Человек, читающий Библию с друзьями, с точки зрения российского следователя, ничем не отличается от члена террористической ячейки, планирующего взрыв. По части 1 статьи 282.2 УК РФ санкция предусматривает наказание вплоть до 6-10 лет лишения свободы.

Психолого-лингвистическая эквилибристика

Особого внимания заслуживает методология, с помощью которой эксперты доказывают «экстремизм» в устной речи верующих (записанной скрытыми камерами ФСБ). Анализ десятков экспертиз показывает использование манипулятивных приемов.

Например, эксперты часто используют понятие «манипуляция сознанием». Поскольку в психологии нет единого общепризнанного определения этого термина, эксперты трактуют его максимально широко. Любое убедительное высказывание, использование риторических приемов, обращение к эмоциям объявляется «психологическим насилием» или «зомбированием».

Другой прием — приписывание враждебности через контекст. Если верующий говорит: «Мир лежит во зле» (цитата из Библии), эксперт пишет: «Данное высказывание формирует негативный образ окружающей социальной действительности и противопоставляет группу «мы» (спасенные) группе «они» (погибающие), что является признаком возбуждения розни».

Такой подход делает невозможным любую религиозную проповедь. Ведь суть любой проповеди — призвать человека изменить свою жизнь, отказаться от греха (то есть от «зла») и прийти к Богу. Российская экспертиза криминализировала саму структуру религиозного дискурса.

Микро-кейс: Дело Денниса Кристенсена

Первым, кто испытал на себе всю тяжесть этой юридической конструкции, стал датский подданный Деннис Кристенсен. Его арест в Орле 25 мая 2017 года, вскоре после решения Верховного суда от 20 апреля 2017 года, стал сигналом: иностранное гражданство не спасет.

В деле Кристенсена абсурд достиг пика. Главным секретным свидетелем обвинения был допрошен свидетель под псевдонимом «Ермолов» (в реальности — местный житель, сотрудничавший с ФСБ). Показания «Ермолова» сводились к тому, что Кристенсен «координировал» богослужение: следил за порядком собраний и выполнял организационные функции. Суд квалифицировал эти бытовые действия как «организацию деятельности экстремистского сообщества».

Защита указывала на то, что Кристенсен реализовывал свое право на свободу вероисповедания, гарантированное ст. 28 Конституции РФ. Судья Алексей Руднев проигнорировал этот аргумент, приговорив датчанина к 6 годам колонии общего режима. Этот приговор стал шаблоном. Впоследствии сотни верующих по всей стране получили аналогичные сроки за то, что «открывали дверь» и «читали Библию».

Выводы

Анализ правоприменительной практики показывает, что в России создана самодостаточная система фабрикации уголовных дел по религиозному признаку. Она базируется на трех китах:

1. Размытое законодательство, позволяющее называть экстремизмом мирное исповедание веры.
2. Институт «карманной» экспертизы, обеспечивающий псевдонаучное обоснование обвинений.
3. Судебный конвейер, игнорирующий конституционные права и презумпцию невиновности.

Понятие «экстремизм» было искусственно расширено не для защиты общества, а для удобства репрессивного аппарата. Отсутствие обязательного признака насилия в ряде антиэкстремистских составов и правоприменительных подходов развязало руки силовикам, позволив им имитировать борьбу с терроризмом за счет преследования пацифистов.

Юридический абсурд перестал быть просто казусом — он стал государственной политикой. Система работает так, что у верующего нет легального способа избежать преследования, кроме как отказаться от своей веры. Любое действие — молитва, разговор о Боге, хранение книги — становится составом преступления.

Документ, который лучше всего иллюстрирует итог этой главы, — это Федеральный список экстремистских материалов. Сегодня он насчитывает не менее 5458 пунктов. Среди призывов к джихаду и неонацистских листовок там находятся детские книги с картинками о рае, советы по укреплению семьи и, фактически, Библия. Этот список — памятник правовому безумию, в котором уравниены убийцы и те, кто учит «возлюби ближнего своего».

«Когда закон становится преступлением, сопротивление становится долгом» — эта максима, приписываемая Томасу Джефферсону, сегодня звучит в российских судах, но судьи, похоже, руководствуются другой цитатой: «Был бы человек, а статья найдется».

Глава 5. Индустрия лжи: пропаганда и стигматизация в СМИ

Любая война начинается задолго до первого выстрела или первого судебного приговора. Она начинается со слова. Прежде чем государство получает моральную санкцию на физическое устранение группы граждан, оно должно совершить их символическое убийство в общественном сознании. В случае со Свидетелями Иеговы в

России мы стали свидетелями хрестоматийного примера того, как медийная машина, используя технологии нейролингвистического программирования и откровенную фальсификацию, превратила мирных обывателей в «агентов врага», «нелюдей» и общественно опасную группу.

В данной главе мы смещаем фокус с юридических кабинетов и залов суда на телевизионные студии и редакции газет. Наш тезис состоит в том, что федеральные СМИ выступили не просто трансляторами государственной позиции, а активными участниками кампании стигматизации. Они создали альтернативную реальность, в которой мирные верующие с Библией подавались как угроза общественной безопасности. Мы анализируем механику этой лжи, способы стигматизации и конкретные кейсы, демонстрирующие, как пропаганда ломает жизни еще до вмешательства силовиков.

Информационная артподготовка: конструирование «Чужого»

Социологи Пол Лазарфельд и Роберт Мертон еще в середине XX века ввели понятие «наркотизирующей дисфункции СМИ». Они утверждали, что перенасыщение информацией приводит к пассивности: человек, потребляющий новости, считает, что он участвует в жизни общества, но на деле его критическое мышление отключается. Российская пропаганда эффективно использовала этот эффект, насыщая медиaprостранство повторяющимися тревожными образами и ярлыками.

На протяжении десятилетия, предшествовавшего запрету 2017 года, в российском медиaprостранстве планомерно внедрялся термин «секта». Как мы установили ранее, это понятие не имеет юридического статуса. Однако в медийном поле оно стало мощным инструментом стигматизации. Александр Дворкин и другие представители антикультового движения последовательно настаивали на широком публичном употреблении этого термина применительно к религиозным меньшинствам. При этом в СМИ слово «секта» часто использовалось не как богословская или публицистическая метка, а как фактический синоним опасности, манипуляции и криминальности.

Это вскрывает суть метода: вывести дискуссию из правового поля, где нужны доказательства, в поле эмоциональное, где правят страх и стереотипы. СМИ начали использовать термин «секта» как синоним преступной и антиобщественной структуры. В новостных сюжетах словосочетание «Свидетели Иеговы» регулярно сопровождалось эпитетами вроде «тоталитарная», «деструктивная» и «опасная», что фиксировалось в мониторингах по свободе совести и конфликтной журналистике.

Лингвистический анализ таких материалов показывает использование классических приемов манипуляции:

- Навешивание ярлыков: использование терминов из криминальной хроники («вербовка», «главари», «ячейки») для описания религиозной жизни.
- Генерализация: отдельный эпизод или обвинение экстраполируется на всю группу.
- Апелляция к страху: постоянное упоминание угрозы детям, психике, имуществу и «государственной безопасности».

Анатомия телесюжета: фабрика ненависти на федеральных каналах

Особую роль в кампании сыграли федеральные телеканалы — НТВ и «Россия-1». Их охват аудитории позволял формировать мнение миллионов. Анализ передач и медийных конфликтов показывает повторяемость сценарных приемов, по которым строились подобные «разоблачения». Исследователи конфликтной журналистики отдельно разбирали выпуск «ЧП. Расследование. Свидетели Иеговы», вышедший на НТВ 9 октября 2009 года, как пример медиатекста, формирующего образ религиозной группы как общественно опасной. Жалобы на этот выпуск рассматривались и в публичном поле, и правозащитными организациями.

Типичный сюжет строился по принципу эмоционального нагнетания:

Слой 1: Эмоциональный шок. Тревожная музыка, затемненные кадры, плачущая «жертва» (часто актер или человек, не имеющий отношения к организации), рассказывающая о потерянной квартире или разрушенной семье.

Слой 2: «Авторитетное» мнение. В кадре появляется «эксперт» (чаще всего Александр Дворкин или представители РАЦИРС), который, сидя на фоне книжных полок, объясняет, что перед нами не религия, а «коммерческий культ» или «шпионская сеть».

Слой 3: Визуальная манипуляция. Кадры богослужений Свидетелей Иеговы монтируются с кадрами нацистских маршей, ритуалов сатанистов или оперативной съемкой задержания террористов.

Особый цинизм заключался в использовании так называемых «апостатов» — бывших членов организации, исключенных за нарушение моральных норм. Эти люди, движимые личной обидой, становились звездами эфиров, транслируя самые дикие вымыслы. Телевидение предоставляло им трибуну, полностью игнорируя принцип журналистской объективности, требующий выслушать вторую сторону. Представителей Свидетелей Иеговы либо не приглашали вовсе, либо их слова вырывали из контекста, монтируя так, чтобы они выглядели глупо или зловеще.

Шпиономания: «Пятая колонна» с Библией

В условиях нарастающей конфронтации России с Западом пропаганда нашла «золотую жилу»: иностранное происхождение конфессии. Тот факт, что Управленческий центр Свидетелей Иеговы находится в США, в медианарративах регулярно превращался в намек на политическую нелояльность и внешнее управление.

Медиа начали активно раскручивать нарратив о «чужих» и «внешнем влиянии». В таких сюжетах обычная отчетность, миссионерская активность и международные связи организации интерпретировались как признаки работы в интересах враждебной державы. Это был типичный прием «вины по ассоциации»: не нужно доказывать, что конкретный верующий совершил преступление, достаточно встроить его образ в цепочку «международная структура» → «Запад» → «угроза России». Подобный прием хорошо документирован в исследованиях российской медийной стигматизации религиозных меньшинств.

Александр Дворкин в публичных выступлениях действительно подчеркивал международный масштаб «сектантской угрозы» и представлял новые религиозные

движения как силу, действующую наднационально и антиобщественно. В результате в общественном сознании международный характер организации все чаще отождествлялся не с конфессиональной природой движения, а с политической подозрительностью.

Дегуманизация: от «сектанта» к «биороботу»

Самым опасным этапом медийной кампании стала дегуманизация. Чтобы общество приняло репрессии, жертву нужно лишить человеческого облика. В антикультовой публицистике и смежных текстах регулярно использовалась лексика патологии, подчинения и расчеловечивания.

В книге «Сектоведение» и основанных на ней статьях верующие описывались как «зомби», «биороботы», «мутанты». Использовались термины вроде *homo jehovisticum* («человек иеговистский»), создающие впечатление, что речь идет о другом биологическом виде. Организация называлась «раковой опухолью», «метастазами», «плесенью».

Исторические параллели здесь неизбежны и пугающи. Нацистская газета *Der Stürmer* использовала аналогичные метафоры в отношении евреев, называя их крысами, паразитами и бациллами. Цель такой риторики одна: снятие морального запрета на насилие. Раковую опухоль не лечат уговорами — ее вырезают. С паразитами не ведут диалог — их травят.

Психолингвистический анализ текстов Дворкина и антикультовой публицистики показывает устойчивое приписывание верующим утраты свободы, личной автономии, культурной полноценности и способности к нравственному выбору. Подобные формулировки работают как механизм морального отчуждения: группа сначала описывается как нечеловеческая, интеллектуально и нравственно дефектная, а затем ее исключение из правового и социального пространства начинает казаться допустимым.

Микро-кейс: Семья в перекрестье прицела

Абстрактная ненависть всегда бьет по конкретным людям. Ярким примером того, как медийный террор разрушает жизни, является история семьи, ставшей героями репортажа на одном из региональных каналов (назовем их семьей К. для сохранения конфиденциальности, хотя их данные были публично раскрыты СМИ).

В прайм-тайм вышел сюжет, где журналисты, ссылаясь на «оперативную информацию», назвали эту семью членами «опасной тоталитарной секты». В эфире были показаны их лица крупным планом, назван адрес проживания, показана школа, где учились их дети, и места работы родителей. Дикторский текст, полный зловещих интонаций, намекал на то, что эти люди могут быть причастны к экстремизму и мошенничеству.

Последствия наступили мгновенно. На следующий день дети в школе подверглись травле: одноклассники, подстрекаемые родителями, называли их «сектантами» и отказывались сидеть рядом. Соседи, с которыми семья годами жила в мире, перестали здороваться или начали открыто угрожать. На работе отцу семейства намекнули на необходимость увольнения «по собственному желанию», чтобы не портить репутацию компании.

Самым страшным стал визит органов опеки, инициированный «бдительными гражданами» после просмотра сюжета. Родителям пришлось доказывать, что они не верблюд, не зомби и не враги народа, а любящие отец и мать. Этот случай демонстрирует, как СМИ выступают в роли наводчика, маркирующего цели для общественного ostracism и государственного вмешательства. Семья К. не совершила никакого преступления, но их гражданская казнь состоялась в прямом эфире.

Психиатрия как медийный аргумент

Для усиления эффекта стигматизации пропаганда активно использовала псевдомедицинскую риторику. В медийном и антикультовом дискурсе регулярно фигурировали рассуждения о «зависимости», «контроле сознания», «зомбировании» и «психическом заражении». При этом подобные конструкции, как правило, подавались публицистически, а не как выводы строгой клинической диагностики.

Внедрялся миф о том, что стать Свидетелем Иеговы по доброй воле невозможно — только в результате «зомбирования». Это утверждение выполняло двойную функцию. Во-первых, оно лишало верующих субъектности: их мнение не нужно учитывать, так как они «не в себе». Во-вторых, оно пугало обывателя: «зомбирование» может случиться с каждым, никто не застрахован, поэтому нужно держаться подальше.

В региональной прессе (например, в Архангельске и Белгороде) публиковались диффамационные материалы о религиозных меньшинствах с заголовками вроде «Осторожно: психическая зараза!». В них описывались якобы имевшие место случаи суицидов или помешательства на религиозной почве. Проверка фактов неизменно показывала, что эти истории либо вымышлены, либо грубо искажены, но опровержения, если и публиковались, то мелким шрифтом на последних полосах, когда ущерб репутации уже был нанесен.

Выводы

Анализ медийной кампании против Свидетелей Иеговы позволяет сделать однозначный вывод: в России была создана индустрия лжи, работающая в тесной связке с репрессивным аппаратом. СМИ не просто освещали события — они их конструировали.

Мы выделили ключевые элементы этой стратегии:

- Подмена понятий: использование неправового термина «секта» для криминализирующего описания легальной религиозной деятельности.
- Визуальное и эмоциональное давление: монтаж, тревожная музыка, отбор комментариев и драматизация.
- Шпиономания: эксплуатация геополитических страхов для создания образа «внутреннего врага».
- Дегуманизация: использование языка вражды, лишаящего верующих субъектности и человеческого облика.

Эта кампания достигла своей цели. Когда в 2017 году Верховный суд вынес решение о запрете, общество промолчало. Одним из факторов этого молчания была многолетняя пропагандистская подготовка, в ходе которой значительная часть аудитории уже привыкла воспринимать этих верующих не как соседей и сограждан, а как опасную и чуждую группу.

Однако история учит, что дегуманизация одной группы неизбежно ведет к деградации всего общества. Те, кто сегодня радуется расправе над «сектантами», не замечают, как сами становятся жертвами той же технологии. Ведь ярлык «иностранный агент» или «экстремиста» в современной России может быть наклеен на любого, кто не вписывается в прокрустово ложе государственной идеологии.

Документ, который лучше всего резюмирует итог этой главы, — это цитата из заключения лингвистической экспертизы по книге Дворкина: *«Текст не просто информирует, а целенаправленно конструирует негативное отношение... мотивирует к изоляции, отторжению и дискриминации»*. Это и есть формула современного российского медийного преследования.

Глава 6. Машина террора: методы работы ФСБ и Центра «Э»

Когда государство объявляет войну собственным гражданам, первыми на передовую выходят не судьи и не пропагандисты, а силовики. После того как Верховный суд в 2017 году ликвидировал Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России и 395 местных религиозных организаций, а медийная машина подготовила почву для их стигматизации, в дело вступил силовой аппарат. С этого момента абстрактные формулировки судебных решений трансформировались в обыски, аресты, уголовные дела и длительные сроки лишения свободы.

Наследие УБОП и трансформация Центра «Э»

Для понимания логики репрессий необходимо рассмотреть институциональную генеалогию подразделений, осуществляющих преследование. В 2008 году в системе МВД были расформированы Управления по борьбе с организованной преступностью (УБОП). На их базе, а также на базе кадрового состава, были созданы Центры по противодействию экстремизму (Центры «Э»).

Это административное решение имело далеко идущие последствия. Оперативники, годами работавшие по линиям организованной преступности и силового криминала, получили новую сферу — «экстремизм», понятие, допускавшее крайне широкое толкование. В результате методы, характерные для борьбы с опасными преступными группами, стали переноситься на дела о мирной религиозной деятельности.

Свидетели Иеговы стали особенно удобной мишенью для этой системы. После запрета 2017 года обычные коллективные религиозные практики стали трактоваться следствием как «продолжение деятельности» запрещенной организации, а статья 282.2 УК РФ позволяла квалифицировать такие дела как тяжкие.

Как отмечали правозащитники и наблюдатели, в официальных материалах и оперативной риторике происходила подмена понятий: старейшины собраний описывались как «организаторы», проповедническая деятельность — как «вербовка», а пожертвования — как финансирование запрещенной структуры. В результате инструменты, предназначенные для борьбы с опасным насилием, были применены к общинам, чье вероучение традиционно связано с отказом от насилия.

Тактика «Шок и трепет»: анатомия массовых облав

Анализ сообщений о преследовании за 2017–2024 годы показывает стандартный алгоритм проведения силовых операций против верующих: ранние утренние обыски, одновременные заходы по нескольким адресам, участие вооруженных сотрудников, изъятие техники и документов, последующие допросы и ходатайства об арестах. Это

были не единичные эпизоды, а повторяющийся шаблон, который фиксировали и СМИ, и правозащитные мониторинги.

Типичная облава начинается ранним утром, обычно около 6 часов. К домам приезжают сотрудники правоохранительных органов, проводятся одновременные обыски, после чего часть верующих увозят на допросы или в изоляторы. Во многих случаях силовики действуют как при задержании потенциально опасных преступников, хотя сами Свидетели Иеговы известны отказом от сопротивления и неприменением насилия.

Врываясь в квартиру или дом, сотрудники нередко применяют демонстративно жесткий сценарий: ранний подъем, блокирование пространства, физический контроль над всеми присутствующими, включая пожилых людей. По оценке критиков этой практики, такая демонстративная жесткость выполняет не только процессуальную, но и психологическую функцию устрашения.

Показательным является случай Ярослава Калина в Иркутской области в октябре 2021 года. Ранним утром 4 октября 2021 года в Иркутске и селе Пивовариха прошли массовые обыски у Свидетелей Иеговы; 52-летний Ярослав Калинин был задержан и затем отправлен в СИЗО. Конфессиональные источники и связанные с ними публикации описывают этот обыск как особенно жесткий. Мужчину, изрезанного стеклом, заковали в наручники и запретили одеваться, удерживая в нижнем белье на глазах у семьи. На просьбы вызвать адвоката оперативники ответили смехом. Позже, уже в СИЗО, Ярославу пришлось самостоятельно извлекать осколки стекла из своего тела.

Этот случай нельзя считать просто частным сбоем системы. Массовые рейды, ранние обыски, изоляция пожилых людей и жесткие меры пресечения воспроизводятся в делах Свидетелей Иеговы с поразительной регулярностью. Именно эта повторяемость позволяет говорить не об отдельных эксцессах, а о сложившейся практике репрессивного правоприменения.

Технологии «Большого брата»: слежка и инфильтрация

До запрета 2017 года правоохранительные органы вели наблюдение за собраниями Свидетелей Иеговы в их официальных помещениях, а после запрета, когда встречи переместились в частные дома и другие неформальные пространства, ключевое значение приобрели скрытые записи, оперативное внедрение и использование агентуры. Эти методы многократно фигурируют в судебных и журналистских описаниях конкретных дел.

Материалы уголовных дел и сообщения правозащитников свидетельствуют о широком использовании скрытых аудио- и видеозаписей, а также агентурных свидетелей. В последние годы обвинения против верующих регулярно строились на тайных съемках богослужений или встреч, которые велись лицами, внедренными в общины под видом интересующихся.

Особую роль играют агенты и «секретные свидетели». Эти люди под псевдонимами участвуют в собраниях, фиксируют происходящее, а затем выступают в суде в закрытом или частично закрытом режиме. Такая практика неоднократно критиковалась как подрывающая состязательность процесса и затрудняющая полноценную проверку достоверности их показаний.

Цинизм ситуации заключается в том, что именно такие фигуры часто становятся ключевыми свидетелями обвинения. В суде они выступают под псевдонимами, с измененными голосами и скрытой внешностью, а защита ограничена в возможности проверить их мотивы и возможную связь с оперативными структурами. В результате показания «секретного свидетеля» нередко приобретают почти недостижимый для критики статус.

Конвейер унижения: условия содержания и допросы

После задержания человек попадает в следственную и пенитенциарную систему. Первые часы и дни в ИВС и СИЗО нередко сопровождаются повышенным давлением, изоляцией и ограничением доступа к нормальной медицинской помощи и коммуникации с внешним миром. В отношении некоторых Свидетелей Иеговы

правозащитники и международные структуры фиксировали жалобы на жестокое обращение и недопустимые условия содержания.

Условия содержания в ИВС и СИЗО в ряде дел описывались как бесчеловечные или унижающие достоинство, а отдельные жалобы касались физического насилия и давления во время следствия и изоляции. В частности, в международных обзорах по свободе вероисповедания упоминались сообщения о пытках и жестоком обращении с представителями религиозных меньшинств, включая Свидетелей Иеговы.

Цель таких действий, по оценке адвокатов и правозащитников, состоит не только в изоляции, но и в психологическом подавлении. Следственные органы заинтересованы в признательных показаниях, разблокировке устройств, доступе к переписке и сведениях о других верующих; поэтому изоляция и давление становятся частью следственной тактики.

Война со стариками и инвалидами

Особый цинизм репрессивной машины проявляется в выборе мишеней. Среди фигурантов дел действительно много пожилых людей и людей с тяжелыми заболеваниями. Reuters в 2024 году отдельно отмечал, что среди осужденных по таким делам были люди в возрасте до 72 лет, а правозащитные и конфессиональные источники многократно описывали уголовное преследование инвалидов и тяжелобольных верующих.

Вопиющим примером бесчеловечности стало дело Александра Лубина из Курганской области. 68-летний инвалид II группы, страдавший тяжелым заболеванием и нуждавшийся в кислородной поддержке, был помещен в СИЗО после возбуждения дела в 2021 году. По сообщениям о деле, в изоляции он был лишен необходимого режима лечения, а его состояние заметно ухудшилось.

Европейский суд по правам человека применял в его деле срочные обеспечительные меры по Правилу 39, после чего мера пресечения была изменена. Позднее Александра Лубина оштрафовали на 500 тысяч рублей, а 11 ноября 2024 года он умер. В 2025 году ЕСПЧ вынес постановление по делу *Lubin and Isakov v. Russia*.

В суде Лубин участвовал в процессе в крайне тяжелом состоянии. Этот случай демонстрирует, насколько слабо в подобных делах учитываются возраст, инвалидность и медицинские показания. Для системы он оказался не человеком с очевидной уязвимостью, а фигурантом, по которому нужно довести дело до результата.

Этот кейс показывает тяжелую институциональную нечувствительность правоохранительной и судебной системы. Преследование стариков и инвалидов выполняет и устрашающую функцию: оно посылает окружающим сигнал, что гуманитарные факторы не гарантируют защиты от уголовного преследования.

Экономическая смерть: списки Росфинмониторинга

Репрессии имеют не только физическое, но и экономическое измерение. Еще до вынесения приговора, на стадии следствия, подозреваемые вносятся в «Перечень террористов и экстремистов» Росфинмониторинга.

Это означает жесткие финансовые ограничения. Банки и иные организации обязаны блокировать денежные средства и имущество таких лиц, а разрешенные расходы лимитированы. На практике действует правило о возможности расходования не более 10 000 рублей в месяц на самого фигуранта и по 10 000 рублей на каждого члена семьи, не имеющего самостоятельного дохода.

Фактически это приводит к тяжелой социальной дезадаптации. Люди сталкиваются с невозможностью нормально пользоваться счетами, картами, наследственными и имущественными инструментами, а работодатели и контрагенты часто предпочитают избегать взаимодействия с лицом, попавшим в перечень. Критики этой практики называют ее формой «гражданской смерти».

Эта мера применяется массово. В одном и том же перечне оказываются как лица, обвиняемые в терроризме, так и фигуранты дел о мирной религиозной деятельности. Именно это смешение и создает сюрреалистическую картину, когда инструменты финансового противодействия реальному терроризму обрушиваются на людей, чья «вина» состоит в участии в запрещенной религиозной организации или в мирных формах исповедания веры.

Психология исполнителей: «Мы просто делаем свою работу»

Как обычные люди — следователи, оперативники, конвоиры — становятся участниками репрессивной системы? Ответ кроется в механизме размывания ответственности, институционального конформизма и идеологизации.

Правозащитники и исследователи неоднократно указывали на идейную близость части силового и антикультового дискурса, в котором Свидетели Иеговы описываются как опасная, внешне управляемая и антисоциальная группа. Однако прямые утверждения о регулярных закрытых семинарах именно в описанном вами виде требуют более точного документального подтверждения.

Кроме того, работает принцип бюрократической инерции. Следователь не обсуждает справедливость закона, а стремится собрать дело так, чтобы оно прошло через прокуратуру и суд. Оперативник ориентирован на показатели, а не на гуманитарные последствия своих действий. Система устроена так, что сомнение в целесообразности преследования не поощряется, а формальное исполнение задачи — поощряется.

В адвокатских и правозащитных описаниях подобных дел регулярно звучит мысль о том, что исполнители воспринимают свою роль как техническую: они «просто работают по материалу», не беря на себя моральную оценку последствий. Банальность зла, описанная Ханной Арендт, здесь действительно оказывается уместной аналитической рамкой

Выводы

Анализ методов работы ФСБ и Центра «Э» в отношении Свидетелей Иеговы позволяет сделать вывод о том, что в России создана и отлажена машина системных репрессий.

Мы установили следующие ключевые характеристики этой системы:

- Диспропорциональность силы: применение вооруженных силовых сценариев против заведомо мирных верующих используется как инструмент психологического подавления.

- Имитационный характер: борьба с верующими подменяет собой часть реальной работы по противодействию опасному насилию и позволяет демонстрировать показательную активность.

- Технологичность преследования: использование скрытых записей, агентуры и финансового контроля превращает частную жизнь граждан в объект постоянного надзора.

- Бесчеловечность: уголовное преследование пожилых и тяжелобольных людей показывает глубокую эрозию гуманитарных ограничений в правоприменении.

Силовые структуры в этих делах выступают не просто как нейтральные исполнители закона, а как активные участники репрессивной практики, в которой жесткие обыски, затяжные аресты, использование секретных свидетелей, тяжелые условия содержания и экономические ограничения стали повторяющимися элементами. Международные и правозащитные источники фиксировали также отдельные сообщения о пытках и жестоком обращении.

Глава 7. Застенки XXI века: пытки и жестокое обращение

Когда правовая система государства объявляет группу граждан «экстремистами» исключительно на основании их верований, переход от юридического преследования к физическому насилию становится вопросом не логики права, а логики репрессивной практики. История XX века показывает, что дегуманизация часто создает почву для жестокого обращения. Словесное расчеловечивание снижает общественную

чувствительность к насилию и делает допустимым то, что в нормальной правовой системе вызвало бы немедленное расследование.

В данной главе мы документируем и анализируем самый мрачный аспект преследования Свидетелей Иеговы в современной России — применение пыток, жестокого обращения и создание невыносимых условий содержания. Наш тезис состоит в том, что зафиксированные случаи насилия (избиения, удушение, применение электрошокеров) не являются эксцессом исполнителя или самоуправством отдельных садистов в погонах. Это системный инструмент подавления, санкционированный молчаливым согласием надзорных органов и судов. Пытки стали функциональной частью следствия, призванной компенсировать отсутствие реальных доказательств вины: когда нет преступления, признание выбивается силой.

Сургутский рубеж: легализация садизма

Точкой невозврата в истории современных религиозных репрессий в России стало 15 февраля 2019 года. В этот день в городе Сургуте (Ханты-Мансийский автономный округ) прошла серия массовых обысков. То, что последовало за ними, можно назвать «Сургутским делом», которое по своей жестокости и цинизму встало в один ряд с известными случаями полицейского произвола, такими как пытки в отделе полиции «Дальний».

После задержания десятки верующих были доставлены в здание Следственного комитета. Согласно заявлениям потерпевших, насилие происходило вне обычного процессуального общения со следователями, в отдельных помещениях, куда задержанных выводили после отказа признать вину или оговорить других.

Согласно показаниям потерпевших, в частности Артура Северинчика, Евгения Федина, Сергея Логинова и других, применялись удушение, электрошокеры, угрозы и принуждение к даче показаний. Российские и международные источники пересказывали эти жалобы как сообщения о пакетах на голове, связывании, ударах током и попытках добиться самооговора.

Важно отметить ролевое разделение, о котором говорили сами потерпевшие: следователи оформляли процессуальную часть, а физическое давление, по их словам, осуществляли оперативники или сотрудники сопровождения. После отказа пользоваться правом не свидетельствовать против себя и других или после отказа подписывать нужные бумаги человека могли уводить, а затем возвращать уже после насилия или угроз. Такая схема описывалась самими заявителями и адвокатами как способ сломать волю и придать вынужденным показаниям видимость «добровольности».

Фраза, брошенная одним из оперативников во время истязаний — «Мы и не таких ломали», — является ключом к пониманию психологии исполнителей. Для них мирный верующий, учитель или строитель, ничем не отличается от боевика. Ярлык «экстремист», полностью отключил у силовиков механизмы эмпатии и правосознания.

Медицина и правосудие: круговая порука

Факт заявлений о пытках в Сургуте не остался тайной. Сразу после освобождения ряд верующих сообщил о телесных повреждениях и подал жалобы в Следственный комитет и прокуратуру. Правозащитники указывали, что российские власти знали об этих заявлениях, однако эффективного и убедительного расследования, которое привело бы к установлению и наказанию виновных, не последовало.

Официальная реакция сводилась к отказу признать незаконное насилие либо к сообщениям о проводимой проверке без очевидного результата. Российские власти ссылались на законность действий сотрудников и отрицали пытки, тогда как правозащитники подчеркивали отсутствие независимого расследования.

Ожоги от электрошокеров в официальных документах превратились в «ссадины неопределенного происхождения» или вовсе игнорировались. Суды двух инстанций, рассматривавшие жалобы потерпевших, встали на сторону следствия. Российская Фемида фактически легализовала пытки, создав прецедент безнаказанности. Это послало четкий сигнал силовикам во всех регионах: с «сектантами» можно делать все, даже громкий публичный скандал не гарантирует реальной ответственности.

Иркутский сценарий: эскалация жестокости

В октябре 2021 года в Иркутске появились новые сообщения о пытках и жестоком обращении со Свидетелями Иеговы во время массовых обысков. Госдепартамент США в докладе о свободе вероисповедания за 2021 год специально упомянул осуждение посольством США сообщений о избиении и пытках свидетелей Иеговы в Иркутске. Это означает, что иркутский эпизод вышел за рамки локального конфессионального спора и был замечен международными наблюдателями.

После обысков несколько задержанных заявили о физическом насилии и тяжелом психологическом давлении. Конфессиональные и правозащитные источники описывали избиения, угрозы, принуждение к разблокировке телефонов и требования дать показания против себя и других.

Особенностью иркутских событий стали сообщения об угрозах сексуального насилия. В частности, связанные с делом публикации передавали угрозы изнасилованием предметами и угрозы в адрес родственников, если задержанные не будут сотрудничать.

Эти методы — физическое насилие, угрозы сексуального унижения, давление на семью и принуждение к самооговору — действительно относятся к классическому набору запрещенных средств принуждения. Цель не просто получить информацию (которая у Свидетелей Иеговы и так не является секретной, учитывая открытый характер их деятельности), а сломать волю, заставить человека предать свои убеждения и своих братьев. Это война не с преступностью, а с человеческим достоинством.

Повседневность застенков: условия содержания как пытка

Пытки током — наиболее резонансная форма насилия, но существует и более «медленная» форма жестокого обращения через условия содержания. Международные доклады по России и материалы правозащитных организаций много лет фиксируют плохие условия в ИВС и СИЗО, а в отношении Свидетелей Иеговы также сообщали о длительном пребывании в изоляции и тяжелых мерах пресечения. Reuters в 2024 году

писал, что восемь из девяти осужденных в Иркутске провели свыше двух лет в предварительном заключении, причем большинство этого времени — в одиночных условиях.

Российская пенитенциарная система давно критикуется за бесчеловечные условия, а в делах Свидетелей Иеговы особую тревогу вызывают длительное содержание под стражей, одиночное заключение и неучет их возраста и состояния здоровья.

Показателен рассказ одного из узников совести, опубликованный на условиях анонимности. Сразу после прибытия в СИЗО его поместили в одиночную камеру полуподвального типа («стакан») размером 1,5 на 3 метра. В камере круглосуточно горел яркий свет, а из динамика с 6 утра до 10 вечера на максимальной громкости транслировалась музыка или пропагандистские радиопередачи.

Эта методика сенсорной перегрузки (или, наоборот, депривации) известна как «белая пытка». Она не оставляет синяков, но разрушает психику. Человек теряет ориентацию во времени, страдает от хронической бессонницы и головных болей. Цель — довести подсудимого до состояния, когда он подпишет что угодно, лишь бы прекратить этот шум.

Кроме того, администрация СИЗО часто использует криминальный элемент для давления. Верующих подсаживают в «пресс-хаты» к уголовникам, сотрудничающим с администрацией, которые избивают их, отбирают продукты и требуют отказаться от веры. Тот факт, что мирные люди, осужденные за чтение Библии, содержатся вместе с убийцами и рецидивистами, сам по себе является нарушением международных норм (Правила Нельсона Манделы), но в России это норма.

Дело Александра Лубина: убийство равнодушием

Особую главу в мартирологе репрессий занимают пожилые люди и инвалиды. Самым известным примером является судьба Александра Лубина из Шадринска Курганской области. Он был инвалидом II группы, зависел от кислородной поддержки и

находился в крайне уязвимом состоянии, однако все равно был помещен в СИЗО в рамках дела о деятельности Свидетелей Иеговы.

Александр Лубин, 68-летний инвалид II группы, страдал тяжелым заболеванием и нуждался в постоянной медицинской помощи. Несмотря на очевидную уязвимость, он был заключен под стражу. В СИЗО у Лубина отобрали необходимые лекарства и кислородное оборудование. Его состояние стремительно ухудшалось: он перестал ходить, испытывал постоянные боли, задыхался. Фактически, его подвергали пытке удушьем, растянутой на недели. Адвокаты били во все колокола, но суды отклоняли апелляции.

Только экстренное вмешательство Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), применившего Правило 39 Регламента (предписание государству принять срочные меры), заставило российскую систему выпустить Лубина из СИЗО. Однако 20 дней в пыточных условиях нанесли непоправимый удар по его организму.

Судебный процесс над умирающим стариком превратился в фарс. Лубин не мог сидеть на скамье подсудимых и лежал во время заседаний. Прокурор, видя это, продолжал требовать обвинительного приговора. Лубин был признан виновным и приговорен к огромному штрафу, но вскоре скончался. Медуза и религиозные правозащитные ресурсы прямо связывали его смерть с многолетним уголовным преследованием и последствиями содержания под стражей. Его смерть стала трагическим итогом репрессивного преследования, в ходе которого российская система не обеспечила необходимой гуманитарной и медицинской защиты тяжелобольному человеку.

Психологический террор: удар по самому дорогому

Физическая боль — не единственный инструмент давления. Заявления потерпевших по религиозным делам, включая дела Свидетелей Иеговы, регулярно содержат рассказы об угрозах в адрес семьи, давлении через детей, ложных сообщениях о признаниях друзей и требованиях оговорить других. Такие методы трудно

документировать так же наглядно, как телесные повреждения, но они типичны для практик принуждения и психологического давления в закрытой следственной среде.

В ходе допросов верующим регулярно угрожают: «Твоя жена пойдет в соседнюю камеру», «Твоих детей отправят в детский дом, и ты их больше не увидишь». Для матерей эти угрозы звучат страшнее любого приговора. Известны случаи, когда органы опеки приходили в семьи сразу после обысков, демонстрируя серьезность намерений системы разрушить семью.

Другой метод — создание атмосферы тотального предательства. Оперативники лгут задержанным: «Твой друг уже все рассказал и свалил вину на тебя. Если не подпишешь признание, пойдешь как организатор, а он — как свидетель». Эта тактика «дилеммы заключенного» направлена на разрушение доверия внутри общины, на атомизацию верующих.

Статистика боли

Масштаб преследования подтверждается цифрами. По данным, которые в 2024 году приводил Reuters со ссылкой на представителя Свидетелей Иеговы, после запрета 2017 года власти провели более 2100 рейдов и обысков, предъявили уголовные обвинения по меньшей мере 811 верующим, а не менее 170 человек получили реальные сроки лишения свободы. В марте 2024 Reuters также писал как минимум о 794 привлеченных к уголовной ответственности и 128 находившихся в заключении на тот момент; рост цифр объясняется продолжением новых дел.

География насилия действительно охватывает разные регионы страны — от Сургута и Иркутска до Читы и других городов, где сообщалось о пытках, жестоком обращении или грубом силовом сценарии обысков. Это позволяет говорить не о единичном локальном сбое, а о повторяемой практике.

Выводы

Анализ фактов, представленных в этой главе, позволяет сделать вывод, что Российская Федерация в делах Свидетелей Иеговы сталкивается с серьезными обвинениями в нарушении статьи 21 Конституции РФ и международных обязательств по запрету пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

Пытки и жестокое обращение в этом контексте, по оценке критиков российской практики, выполняют несколько функций:

1. Карательную: наказание за инакомыслие еще до окончательного приговора.
2. Следственную: получение признаний и доступа к информации при слабой доказательной базе.
3. Устрашающую: демонстрацию того, что формальные правовые гарантии для «экстремистского» ярлыка перестают работать.

Система оказалась в опасной зоне, где запрет на пытки и жестокое обращение перестает работать как реальный ограничитель для силовиков. Когда следствие и суд не дают эффективного ответа на жалобы о пытках, это означает глубокий кризис правосудия как института.

Мы видим, что насилие стало повторяющимся элементом репрессивной практики. Беснаказанность стала банальной. И эта банальность зла, направленная сегодня против одной религиозной группы, представляет угрозу для общества в целом: когда государство допускает пытки или жестокое обращение против одних, оно разрушает универсальность правовой защиты для всех.

Документ, который лучше всего резюмирует эту главу, — это не одиночная цитата, а совокупность материалов: сургутские заявления о пытках, международные доклады о жестоком обращении, иркутские жалобы на насилие и постановление ЕСПЧ по делу Лубина. Вместе они показывают систему, в которой защита человеческого достоинства слишком часто уступает задаче любой ценой поддержать обвинительный конвейер.

Глава 8. Удар по будущему: дети и семьи под прицелом

Любая тоталитарная система, стремящаяся к абсолютному контролю, рано или поздно сталкивается с пределом своих возможностей: она может заключить в тюрьму тело взрослого человека, но не всегда способна сломить его сформировавшееся мировоззрение. В этот момент репрессивная машина переключает прицел на самое уязвимое место любого родителя — на его детей. В современной России преследование Свидетелей Иеговы затронуло не только самих верующих, но и их детей, которые оказываются свидетелями обысков, объектами допросов и участниками стигматизирующих практик. Государство, декларирующее защиту «традиционных семейных ценностей», парадоксальным образом превратило институт семьи в инструмент давления, а угрозу вмешательства органов опеки — в дополнительный рычаг устрашения.

В данной главе мы исследуем, как статус «экстремиста» трансформируется в клеймо «негодного родителя», как органы опеки становятся инструментом возможного давления и какую цену платят дети за религиозный выбор своих отцов и матерей. Вмешательство в семейную жизнь в этом контексте перестает быть лишь побочным эффектом уголовного преследования и превращается в самостоятельный фактор давления на верующих.

Юридическая гильотина: Пленум Верховного суда и «злоупотребление правом»

Фундамент для атаки на семьи верующих был заложен не в темных кабинетах оперативников, а в освещенных залах высшей судебной инстанции. 14 ноября 2017 года Пленум Верховного суда РФ принял Постановление № 44, которое внесло существенные коррективы в практику лишения родительских прав.

Документ расширил понятие «злоупотребление родительскими правами». Теперь к числу примеров такого злоупотребления было добавлено «вовлечение в деятельность

общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности». Именно на это изменение отдельно указал центр «СОВА», предупредив, что новая формулировка может использоваться как дополнительный инструмент давления на верующих и политических активистов.

Эта юридическая новелла создала опасную возможность для расширительного толкования. Логическая цепочка, выстраиваемая силовиками и судами, может выглядеть следующим образом:

- Организация Свидетелей Иеговы признана экстремистской.
- Родитель продолжает исповедовать эту веру и берет ребенка с собой на встречу с единоверцами или читает с ним Библию.
- Следовательно, родитель может быть обвинен во «вовлечении» несовершеннолетнего в деятельность запрещенной организации.
- Это может трактоваться как угроза интересам ребенка.
- Вывод: возникает риск вмешательства органов опеки или требований об ограничении родительских прав.

Формально Верховный суд включил вовлечение детей в деятельность запрещенных организаций в один ряд с другими примерами злоупотребления родительскими правами, что создало для семей верующих крайне тревожный правовой фон. Это постановление развязало руки органам опеки и попечительства как минимум в профилактическом смысле: даже без широкого массового применения сама угроза «изъятия ребенка» получила нормативную опору и стала действенным способом давления.

Травма на рассвете: дети как свидетели штурма

Статистика обысков суха и безэмоциональна. Однако за каждой цифрой стоит конкретная ситуация, в которой дети становятся невольными участниками силовых мероприятий. По данным, которые в 2024 году приводил Reuters со ссылкой на

представителей Свидетелей Иеговы, после запрета 2017 года власти провели более 2100 обысков и рейдов. Среди них были многочисленные случаи, когда обыски проходили в домах, где находились несовершеннолетние.

Представьте ситуацию глазами маленького ребенка: раннее утро, шум, вооруженные люди, обыск, крики, испуганные родители. В ряде задокументированных случаев дети видели, как их родителей поднимали среди ночи, удерживали под контролем, допрашивали и увозили. Конфессиональные источники приводят конкретные эпизоды, когда дети присутствовали при обыске, допросах и задержаниях родителей.

В ходе обысков оперативники не всегда учитывают присутствие детей и их возрастную уязвимость. Надежно подтверждаются случаи, когда несовершеннолетних держали при обыске в состоянии сильного стресса, выводили из дома, допрашивали без родителей или лишали возможности связаться с близкими. Так, в Волчанске в марте 2020 года во время обыска супругов и их двоих несовершеннолетних детей держали раздетыми в коридоре, а в Калуге в 2019 году 15-летнюю дочь фигуранта, по данным конфессионального ресурса, выставили на улицу босиком под дождем во время обыска.

Этот опыт способен разрушать базовое чувство безопасности ребенка. Дом перестает быть крепостью, а силовой обыск превращается в травматическое событие, последствия которого могут сохраняться долго.

Школа как зона отчуждения

Давление на детей не ограничивается моментом ареста родителей. Оно продолжается в социальной среде, в том числе в школе. Здесь в дело вступает механизм стигматизации, запущенный пропагандой и антикультовым движением. Конфессиональные и правозащитные материалы подтверждают, что детей Свидетелей Иеговы допрашивали прямо в школах или пытались сделать это без участия родителей. В Георгиевске в январе 2020 года шестиклассника дважды опрашивали в школе о вероисповедании семьи, а в Смоленске, по словам адвоката, полиция пыталась допросить девочку-подростка в школе с участием школьного психолога.

Школьная среда в целом может воспроизводить общую стигму, сложившуюся вокруг этой конфессии в публичном и антикультовом дискурсе. Учителя и школьные психологи, прошедшие инструктаж на семинарах по «духовной безопасности» (часто проводимых представителями РАЦИРС), начинают рассматривать детей из семей Свидетелей Иеговы как «группу риска». Педагогическая этика отступает перед идеологической установкой.

В ряде регионов зафиксированы случаи, когда учителя публично, перед всем классом, называли ребенка «сектантом», высмеивали его отказ участвовать в военно-патриотических мероприятиях или праздновании религиозных праздников других конфессий. Это легитимизирует буллинг со стороны сверстников. Одноклассники, слыша дома от родителей, что «эти сектанты — шпионы и экстремисты», переносят агрессию на ребенка.

Родительские чаты превращаются в трибуналы. Активные группы родителей требуют от администрации школы изолировать их детей от «тлетворного влияния», пересадить ребенка за отдельную парту или вовсе исключить из школы. Ребенок оказывается в социальном вакууме. Он становится изгоем не за свои поступки, а за веру родителей.

Микро-кейс: Дело Елены Брессем и «РАЦИРС по вызову»

Особый цинизм ситуации заключается в том, что антикультовая истерия используется как инструмент в частных семейных конфликтах. Ярким примером того, как идеология обслуживает личные интересы, является история Елены Брессем из Перми.

Елена, мать двоих детей, оказалась втянута в бракоразводный процесс с мужем, предпринимателем. Муж, добиваясь передачи ему ребенка и дискредитации Елены в суде, воспользовался услугами адвоката Александра Корелова, тесно связанного с Александром Дворкиным и связанного с юридическим контуром РАЦИРС. Стратегия была построена на обвинении Елены в «сектантстве», в том числе в связи с ее деятельностью в Herbalife и приписываемыми ей контактами с «нетрадиционными» группами.

Александр Дворкин, по сообщениям, был привлечен к делу как внешний эксперт, несмотря на отсутствие непосредственного профессионального контакта с Еленой. В подобных заключениях, использовавшихся в таких спорах, сторона защиты Елены усматривала признаки идеологизированной и научно уязвимой аргументации.

Этот кейс демонстрирует возможную коммерциализацию идеологизированной экспертизы. Антикультовая экспертиза может превращаться в товар. За определенную плату или в обмен на влияние «сектоведы» могут использоваться для обоснования нужной стороне судебной позиции через навешивание стигматизирующего ярлыка. Суд, сталкиваясь с давлением авторитетных внешних заключений, способен придавать таким материалам непропорционально высокий вес. В итоге конфликт привел к длительному разлучению матери с сыном, а сама Елена подверглась публичной кампании дискредитации.

Однако существуют истории, которые выходят за рамки юридических споров и погружают нас в зону предельного институционального насилия. В ряде публицистических и правозащитно ориентированных публикаций, описываются случаи, в которых дети оказываются наиболее беззащитными жертвами репрессивной системы.

В одной из таких публикаций описывается история семьи, в которой после уголовного преследования родителей дети были изъяты из семейной среды. В отсутствие надежно установленных и публично доступных судебных и следственных материалов этот эпизод корректнее излагать как свидетельство, требующее дополнительной проверки, а не как окончательно установленный факт.

Трагедия заключалась в том, что дети попали в государственное учреждение, администрация которого находилась под сильным идеологическим влиянием местного духовенства и антикультовых активистов. Для персонала приюта эти дети были не жертвами обстоятельств, а «сектантским отродьем», «испорченным материалом».

Свидетельства указывают на систематическое физическое и психологическое насилие. Детям внушали, что их родители — преступники и нелюди, что они сами «одержимы бесами». Но самым страшным стало сексуальное насилие. Согласно опубликованным данным, дети подвергались эксплуатации, фактически попав в ситуацию рабства внутри закрытой системы, где насилие оправдывалось «изгнанием

бесов» или просто игнорировалось, так как жертвы были полностью дегуманизированы в глазах своих мучителей.

Этот случай указывает на предельные риски системы, в которой стигматизация определенной группы снимает с нее защиту права и общественной эмпатии. Когда с группы людей снимается защита закона и морали, когда их объявляют «нелюдями» или «опасным материалом», любые зверства в отношении них и их детей становятся допустимыми. Государство, в таких случаях может не только не обеспечить безопасность, но и усугубить травму, превратив институт защиты в механизм дополнительного разрушения.

Экономическая удавка: голод как метод воспитания

Разрушение семьи происходит не только через прямое изъятие детей, но и через создание условий крайней экономической уязвимости. Как мы установили ранее, включение верующих в список Росфинмониторинга влечет замораживание денежных средств и резкое ограничение доступа к ним.

Для многодетных семей, где один из родителей (чаще отец, являющийся основным кормильцем) арестован, а счета матери заблокированы, это означает переход в режим выживания. Женщины с грудными детьми на руках остаются без средств к существованию. Они испытывают трудности с покупкой детского питания, одежды, оплатой коммунальных услуг.

Государство может использовать последствия этой ситуации в административной логике контроля. Органы опеки приходят с проверкой в такую семью и фиксируют: «В холодильнике нет продуктов, у детей нет сезонной одежды, условия проживания неудовлетворительные». Это может становиться формальным основанием для постановки вопроса об ограничении родительских прав.

Получается замкнутый круг: государство сначала лишает семью возможности нормально распоряжаться деньгами и обеспечивать базовые нужды, а затем может рассматривать возникшую бедность как дополнительный признак «неблагополучия». Это форма финансового и административного давления, направленная на то, чтобы

заставить оставшегося на свободе супруга отказаться от религиозной идентичности или лояльности группе ради безопасности семьи.

Поколение изгоев: долгосрочные последствия

Действия российских властей формируют среду, в которой у детей преследуемых семей накапливается опыт стигматизации и отчуждения. Эти дети растут с ощущением глубокой несправедливости. Они видят, что их родители — честные, добрые, непьющие люди — сидят в тюрьме, в то время как другие нарушители закона остаются на свободе.

Психологи предупреждают, что такая травма не проходит бесследно. Она формирует либо глубокое недоверие к государству и обществу, ведущее к изоляции, либо, наоборот, может накапливать протестный потенциал. Пытаясь насильно «перевоспитать» детей Свидетелей Иеговы, сделать из них «правильных патриотов», система добивается обратного эффекта. Она порождает устойчивую идентичность травмированной и преследуемой общины.

Кроме того, может сужать для этих детей доступ к социальным лифтам. Ярлык «ребенок экстремиста» способен осложнять образовательные и профессиональные траектории, особенно там, где важны проверки благонадежности, репутационные фильтры или доступ к государственным структурам. Государство искусственно маргинализирует тысячи талантливых молодых людей, выталкивая их на обочину жизни.

Выводы

Анализ ситуации с детьми и семьями Свидетелей Иеговы в России позволяет сделать вывод о том, что государство осуществляет политику, подрывающую институт семьи и демонстрирующую черты, сопоставимые с репрессивными практиками тоталитарных режимов прошлого.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что:

1. Отдельные правовые и правоприменительные механизмы создают возможность для вмешательства в семейную жизнь по идеологически окрашенным основаниям.

2. Силовые методы (обыски, аресты) применяются таким образом, что травмируют детскую психику.

3. Антикультовое лобби (РАЦИРС) использует семейно-правовые и экспертные механизмы как инструмент давления, стигматизации и, в отдельных случаях, частного интереса.

4. Государственная опека в ряде случаев оказывается не механизмом защиты, а источником дополнительной травматизации ребенка, при том, что сама «экстремистская угроза» в отношении таких семей нередко носит идеологически сконструированный характер.

Россия, подписавшая Конвенцию о правах ребенка, демонстрирует практики, противоречащие ее ключевым положениям: праву ребенка не разлучаться с родителями, иначе как в его наилучших интересах, праву на свободу мысли и совести, праву на защиту от всех форм насилия.

История знает примеры, когда государства пытались присвоить себе право на воспитание детей, отбирая их у «неблагонадежных» родителей. В нацистской Германии семьи Свидетелей Иеговы подвергались преследованию, а дети оказывались объектами давления и идеологического принуждения в рамках более широкой политики нацистского государства. В Австралии существовала практика изъятия детей аборигенов («Украденное поколение»). Сегодня Россия рискует оказаться в одном ряду с государствами, использовавшими детей как объект идеологического и административного насилия.

Документ, который должен звучать набатом в финале этой главы, — это не только статистика и не только судебные кейсы, но и нравственный вопрос: кем становятся дети преследуемых групп в глазах государства и общества? Если система начинает видеть в них не носителей прав, а «испорченный материал», она выносит приговор прежде всего самой себе. Режим, который обращает инструменты защиты ребенка в механизмы страха, утрачивает моральную легитимность независимо от своей текущей политической силы.

Глава 9. Международный резонанс: ЕСПЧ и мировое сообщество

Когда государство решает изолировать себя от мирового правового поля, первыми жертвами этого геополитического развода становятся наиболее уязвимые группы населения. В случае с современной Россией преследование Свидетелей Иеговы стало лакмусовой бумажкой, проявившей глубину разрыва между национальной судебной практикой и международными стандартами прав человека. Если внутри страны верующие были объявлены «экстремистами» и «агентами влияния», то за ее пределами сформировался широкий международный правозащитный и юридический консенсус: действия российских властей являются незаконными, дискриминационными и политически мотивированными.

Страсбургский вердикт: анатомия правового разгрома

7 июня 2022 года Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) вынес решение по делу «МРО Таганрог и другие против России». Это постановление, объединившее 20 жалоб, поданных в период с 2010 по 2019 год, стало одним из самым масштабным и детальным юридическим разбором действий российских властей в отношении религиозного меньшинства.

Суд признал, что Российская Федерация нарушила сразу несколько положений Европейской конвенции: статью 9 (свобода мысли, совести и религии), статью 10 (свобода выражения мнения), статью 11 (свобода собраний и объединений), а также статью 5 (право на свободу и личную неприкосновенность) и статью 1 Протокола № 1 (защита собственности).

Важность этого документа невозможно переоценить. ЕСПЧ не просто констатировал нарушения, он деконструировал саму логику российского обвинения. Судьи в Страсбурге пришли к выводу, что определение «экстремизм» в российском законодательстве применяется настолько широко и произвольно, что позволяет криминализировать мирную религиозную деятельность.

Ключевой вывод суда гласил: мирные и ненасильственные попытки убедить других в истинности или достоинствах своего вероучения являются неотъемлемой частью свободы религии и выражения мнения. Суд подчеркнул, что в действиях верующих отсутствовали призывы к насилию, ненависти или дискриминации. Все обвинения строились исключительно на теологических текстах, утверждающих истинность их веры, что характерно для многих религиозных традиций.

ЕСПЧ постановил, что Россия обязана прекратить уголовное преследование верующих, освободить заключенных, вернуть конфискованное имущество или, если возврат имущества невозможен, выплатить предусмотренное судом возмещение, а также компенсации отдельным заявителям и судебные издержки. Это решение стало юридическим фактом: на уровне международного права Свидетели Иеговы добились признания того, что примененные к ним меры нарушали Европейскую конвенцию, а российская антиэкстремистская практика в их отношении не соответствовала стандартам прав человека.

«Суверенный» ответ: правовой нигилизм как государственная доктрина

Однако реакция Москвы продемонстрировала, что правовой диалог с Европой фактически прерван. Решение ЕСПЧ было вынесено уже после того, как Россию исключили из Совета Европы (март 2022 года) в связи с началом полномасштабных военных действий.

Российские власти воспользовались этим фактом, чтобы ограничить исполнение решений международного суда на национальном уровне. 11 июня 2022 года президент РФ подписал закон, согласно которому постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в России.

Возникла сложная правовая коллизия. С точки зрения международного права, Россия несет ответственность за нарушения, совершенные в период ее членства в Совете Европы (то есть до марта 2022 года), и обязана исполнять решения суда по этим делам. С точки зрения внутреннего российского законодательства, эти решения теперь не имеют обязательной юридической силы и не подлежат исполнению.

Это создало ситуацию глубокого расхождения правовых режимов. Верующий, имеющий на руках решение высшей европейской инстанции о нарушении его прав, в России продолжает считаться лицом, осужденным по действующему национальному законодательству. Более того, в условиях текущей правоприменительной практики ссылки на решения ЕСПЧ утратили значение эффективного инструмента защиты и могут восприниматься судами как не относящиеся к делу или политически мотивированные аргументы.

ООН и глобальный консенсус

Изоляция России не ограничивается европейским континентом. Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям неоднократно выносила заключения по делам российских Свидетелей Иеговы; в частности, в последние годы были приняты мнения № 11/2019, № 34/2019 и № 10/2020. Эксперты ООН пришли к выводу, что аресты верующих являются произвольными, так как они основаны на дискриминационном применении законодательства и нарушают нормы международного права в области прав человека, включая положения Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах.

Комиссия США по международной свободе вероисповедания (USCIRF) в своих ежегодных отчетах неизменно рекомендует относить Россию к числу «стран, вызывающих особую озабоченность» (*Country of Particular Concern, CPC*). USCIRF последовательно призывает Госдепартамент США присвоить России этот статус из-за систематических, продолжающихся и грубых нарушений свободы вероисповедания.

В отчете USCIRF за 2020 год подчеркивается, что российское законодательство об экстремизме позволяет государству преследовать широкий спектр ненасильственной

религиозной деятельности, а в более позднем обзорном материале USCIRF прямо говорится, что преследование Свидетелей Иеговы в России является «сильным индикатором нарастающего авторитаризма». Международные эксперты отмечают, что обвинения в экстремизме не подкреплены никакими доказательствами насильственных действий. Напротив, подчеркивается пацифистский характер группы.

Этот широкий международный правозащитный консенсус важен тем, что он разрушает нарратив российской пропаганды о «защите традиционных ценностей». Мировое сообщество в значительной степени рассматривает действия российских властей не как защиту морали, а как использование антиэкстремистской и традиционалистской риторики для подавления инакомыслия и ограничения свободы вероисповедания.

FECRIS: европейская сеть антикультового влияния

Однако было бы ошибкой полагать, что Запад выступает единым фронтом в защиту свободы совести. Существует институционализированная антикультовая сеть, представители и структуры которой пересекались с российским антикультовым дискурсом и способствовали его международной легитимации. Речь идет о Европейской федерации центров исследований и информирования о сектантстве (FECRIS).

Эта организация, базирующаяся во Франции и поддерживавшаяся, в частности, французским государственным финансированием, стала одним из каналов транснационального обмена антикультовой риторикой между Россией и Европой. Как было установлено ранее, в FECRIS были представлены российские антикультовые структуры и деятели, прежде всего Центр религиоведческих исследований святого Иринея Лионского, связанный с Александром Дворкиным.

Документы свидетельствуют о тесных организационных контактах. В 2009 году, когда в России готовилась почва для запрета Свидетелей Иеговы, в Санкт-Петербурге прошла конференция FECRIS. В ней приняли участие представители FECRIS, российские антикультовые активисты, а также чиновники Минюста РФ; приветствие министра

юстиции Александра Коновалова было оглашено через представителя министерства. Проведение такой конференции показывает институциональное пересечение между российским государственным, церковным и международным антикультовым дискурсами.

Одна из заметных фигур FECRIS, позднее президент организации, Даниэль Мюллер-Тулли активно взаимодействовала с российскими антикультовыми участниками общих мероприятий, создавая видимость того, что борьба с «сектами» — это общеевропейский тренд. Это позволило российским пропагандистам утверждать: «Посмотрите, даже в демократической Европе понимают опасность этих культов».

Фактически, FECRIS в ряде случаев оказывалась полезным внешним источником символической легитимации для российского антикультового дискурса. В то время как правозащитные структуры Совета Европы осуждали Россию, другая структура, имевшая статус участия при Совете Европы, предоставляла дополнительный международный ореол антикультовым нарративам, которые в российском контексте использовались репрессивно.

Экспорт репрессий: Чешский прецедент

Опасность этого альянса подтверждается тем, что антикультовая и ограничительная риторика, уже опробованная в авторитарных контекстах, начинает находить отклик и в демократических странах. Ярким примером является ситуация в Чешской Республике, обострившаяся в 2024–2025 годах.

Министерство культуры Чехии направило Свидетелям Иеговы предупреждение, открывающее возможность последующего запуска процедуры deregistrации, используя риторику, до боли напоминающую российскую. В обосновании претензий звучат тезисы о практике избегания бывших членов, вопросах переливания крови несовершеннолетним и сокрытии части учения.

В публичной чешской антикультовой среде заметную роль играет Якуб Яхл, чья деятельность и аргументация удивительным образом совпадают с российской

антикультовой идеологией. Журнал *Bitter Winter* прямо называет происходящее «Чехия идет по стопам России?».

Письмо Министерства культуры Чехии от 5 сентября 2024 года, требующее в трехмесячный срок прекратить деятельность, которую министерство сочло противоречащей закону, под угрозой возможного начала процедуры deregистрации, является тревожным сигналом. Это демонстрирует, что ограничительная антикультовая логика в отношении религиозных меньшинств может проникать и в демократические системы, особенно когда бюрократический язык «защиты общества» начинает подменять язык свободы совести.

Парадокс «Иностранного агента»

Международная поддержка Свидетелей Иеговы внутри России имеет обратный пропагандистский эффект. В логике осажденной крепости, которую исповедует Кремль, любая защита со стороны Запада может подаваться как косвенное подтверждение «чуждости» или политической нелояльности.

Если ЕСПЧ требует освободить заключенного, в российском публичном и пропагандистском поле это может интерпретироваться как знак того, что дело получило поддержку внешних оппонентов государства. Если Госдепартамент США осуждает запрет религиозной литературы или преследование верующих, значит сама тема может быть встроена в нарратив о внешнем вмешательстве.

Пропаганда использует этот механизм «вины по ассоциации». В телесюжетах регулярно проводится мысль: защита религиозных меньшинств со стороны западных институтов якобы подтверждает их связь с внешними центрами давления. Таким образом, правозащитная деятельность международных институтов перекодируется в сознании обывателя как часть внешнего политического давления на страну.

Верующие оказываются в заложниках этой геополитической игры. Чем громче звучит голос мирового сообщества в их защиту, тем выше риск того, что система будет использовать их международную поддержку как дополнительный материал для внутренней стигматизации и демонстрации «суверенной» жесткости.

Микро-кейс: Дело Денниса Кристенсена как дипломатическое ограничение

Показательным примером ограниченности международных дипломатических механизмов стало дело датчанина Денниса Кристенсена. Его арест в 2017 году вызвал бурную реакцию. Посольство Дании, представители Евросоюза присутствовали на судебных заседаниях в Орле. Казалось бы, наличие иностранного гражданства должно было стать щитом.

Однако российская система рассматривала дело Кристенсена как принципиальное и показательную практику применения антиэкстремистского законодательства. Ему дали реальный срок (6 лет колонии), несмотря на и международную критику. Более того, его содержание в колонии сопровождалось дисциплинарными взысканиями и помещением в ШИЗО, что существенно осложняло возможность условно-досрочного освобождения.

Этот кейс показал, что в подобных делах государственные интересы и внутренняя правоприменительная логика перевешивают дипломатические соображения. Кристенсен был освобожден и депортирован после отбытия основного срока наказания (с учетом зачета времени в СИЗО), а не в результате политической сделки. Это был сигнал всем иностранным гражданам: ваш паспорт вас не спасет, если вы перешли дорогу «духовной безопасности» России.

Сложившаяся ситуация характеризуется глубоким разрывом между правом и силой. С юридической точки зрения, существует устойчивая международная правовая оценка, согласно которой преследование Свидетелей Иеговы нарушает фундаментальные права человека. Это зафиксировано в решениях ЕСПЧ, мнениях ООН и отчетах правозащитников. Эти документы могут служить основой для будущих правовых оценок, механизмов реабилитации и, при изменении политико-правового контекста, возможных форм ответственности.

Однако в моменте «здесь и сейчас» эти решения не открывают двери тюремных камер. Международное право ограничено в механизмах принуждения, особенно в отношении государств, не исполняющих международные решения.

Тем не менее, значение международной реакции нельзя сводить к нулю. Она выполняет важнейшую функцию — функцию свидетельства. Она не позволяет агрессору монополизировать интерпретацию происходящего. Благодаря позиции ЕСПЧ и ООН, в истории останется не только версия национальных судов, но и независимая правовая оценка.

Кроме того, международное давление создает экономические и репутационные издержки для причастных к преследованиям. Персональные санкции против следователей, прокуроров и судей, причастных к репрессиям (введенные рядом стран), превращают их в лиц с ограниченными международными возможностями и репутационными рисками. Это ограниченный, но ощутимый инструмент воздействия на индивидуальном уровне.

Выводы

Анализ международного резонанса приводит нас к выводу, что «дело Свидетелей Иеговы» стало одним из ключевых рубежей для российской правовой системы. Отказ исполнять решение ЕСПЧ от 7 июня 2022 года зафиксировал глубокий разрыв между российской правовой практикой и европейской системой защиты прав человека.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов:

1. Правовая реабилитация состоялась: На международном уровне установлено, что преследование Свидетелей Иеговы в России сопровождалось множественными нарушениями фундаментальных прав, а примененные к ним меры не соответствовали стандартам свободы совести, выражения мнения, объединения, личной свободы и защиты собственности.

2. Институциональный кризис: Существующие международные механизмы защиты прав человека обладают ограниченными средствами принуждения, особенно когда государство отказывается исполнять их решения и трактует суверенитет как приоритет над международными обязательствами.

3. Роль «пятой колонны»: Часть европейских антикультовых сетей и фигур оказывалась вовлеченной в транснациональное воспроизводство риторики, которая в

российском контексте могла использоваться для стигматизации и легитимации репрессивных практик.

4. Экспортная угроза: Идеология борьбы с «сектами» способна выходить за пределы России и оказывать влияние на отдельные бюрократические и консервативные среды в Европе, создавая риск эрозии демократических стандартов свободы совести.

Итог этой главы лучше всего подрезумировать смыслом страсбургского решения: международные судебные и правозащитные институты пришли к выводу, что российская антиэкстремистская практика в отношении Свидетелей Иеговы вышла за пределы допустимого ограничения свободы религии и превратилась в механизм системного преследования мирной религиозной общины. Россия в этом контексте предстала перед международным сообществом как государство, готовое жертвовать базовыми правами человека ради идеологического контроля и демонстрации «суверенной» неподотчетности.

Глава 10. Анатомия сопротивления: феномен стойкости

Социология конфликта учит нас, что давление на сплоченную социальную группу неизбежно вызывает ответную реакцию. Однако в случае с преследованием Свидетелей Иеговы в современной России государство столкнулось с феноменом, который не укладывается в привычные рамки полицейской логики. Расчет инициаторов запрета 2017 года строился на упрощенно-инструментальном понимании религиозной организации: предполагалось, что ликвидация юридического лица, конфискация недвижимости и арест активных участников и предполагаемых организаторов приведут к быстрому распаду структуры и «отрезвлению» рядовых верующих. Эта стратегия, основанная на представлениях о внешнем контроле, манипуляции и управляемой лояльности верующих, потерпела очевидную неудачу.

Вместо дезинтеграции мы наблюдаем консолидацию. Вместо массового отречения — сохранение религиозной практики в неформальных и децентрализованных формах. Вместо страха — высокую степень внутренней стойкости, готовности переносить давление и символически переосмыслить страдание как подтверждение верности вере.

Чтобы понять природу стойкости Свидетелей Иеговы, необходимо отказаться от представления о тюремном заключении исключительно как о социальном и биографическом крахе. Для обычного человека арест — это крушение жизни, потеря статуса и комфорта. Для Свидетеля Иеговы это — испытание, возможность которого заранее вписана в религиозную картину мира и потому воспринимается как подтверждение верности избранному пути.

Доктрина этой религиозной группы содержит мощный встроенный механизм защиты от внешнего давления. В их теологии мир находится во власти Сатаны, и истинные христиане неизбежно должны быть гонимы «системой вещей». Слова Христа «Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Иоанна 15:20) воспринимаются как прямое предупреждение о нормальности преследований для подлинно верующего сообщества.

Когда следователь ФСБ предъявляет обвинение в экстремизме, он, сам того не ведая, играет роль, прописанную в эсхатологическом сценарии верующего. Каждое судебное заседание, каждый обыск, каждый приговор воспринимается общиной не только как удар, но и как подтверждение религиозного сценария, в котором гонения ожидаемы. Это создает ситуацию снижения устрашающего эффекта для репрессивной системы: инструменты устрашения (тюрьма, штрафы, угрозы) работают слабее, чем предполагается, потому что жертва интерпретирует их как испытание верности, духовную проверку и часть религиозного пути.

Историки христианства и исследователи религиозных преследований действительно отмечали особую устойчивость Свидетелей Иеговы в нацистский период, их отказ от сотрудничества с режимом и готовность переносить наказание ради верности убеждениям. Современные российские верующие видят себя прямыми наследниками тех, кто выстоял в условиях нацистских и советских преследований. Эта

историческая память формирует коллективный этос, который крайне трудно разрушить административным давлением.

Феномен «счастливого узника»

Письма и публичные сообщения, приходящие из российских колоний и СИЗО, позволяют говорить о необычно высокой психологической устойчивости части верующих, находящихся в заключении. В них редко доминируют отчаяние, озлобленность или жалобы на судьбу. Напротив, тексты пронизаны оптимизмом и заботой о тех, кто остался на свободе.

Верующие пишут о том, как они проповедуют сокамерникам, как находят поводы для радости в мелочах, как чувствуют поддержку единоверцев. Этот феномен «счастливого узника» затрудняет привычную логику тюремного давления. Система ФСИН заточена на подавление воли, на превращение человека в послушную функцию. Но когда заключенный сохраняет достоинство, доброжелательность и внутреннюю собранность, ожидаемый эффект устрашения заметно ослабевает.

Показательным является пример Денниса Кристенсена, который, находясь в штрафном изоляторе (ШИЗО) во время отбывания наказания в Курской области, продолжал поддерживать бодрость духа. Его неоднократное помещение в ШИЗО и последующие взыскания показывают, что даже внешне спокойное и дисциплинированное поведение не гарантировало ему смягчения режима. Его пример, как и примеры сотен других узников, показывает, что внутреннюю свободу невозможно полностью уничтожить административным принуждением.

Особого внимания заслуживает творчество заключенных. Стихи, написанные в застенках, становятся формой духовного сопротивления. Одно из таких стихотворений, переданное на волю верующим, который впоследствии скончался от последствий жестокого обращения, является мощным документом эпохи. Автор описывает реальность через призму борьбы света и тьмы:

«Как много лжи, как много боли
Мы испытали за года.

Пришел нацизм, нацизм на воле,
Здесь антикультова чума.

Клеймят меня — а больно детям,
И сердце сжалось от тоски.
Ведь больше некому на свете
Спасти детей от их сети.

От антикультовых гонений,
От тьмы подонков и чертей.
Когда живешь без прав, без мнений,
Ты — «хуже крыс» и «хуже вшей».

Не человек, а «клетка рака» —
Клеймил тебя РАЦИРСа пёс.
От этой бешеной собаки
Так много боли перенёс.

От СМИ РАЦИРСа нет покоя.
Их ложь пестрит, а правда в том:
Клеймо «сектант» — судьба изгоя,
Клейма не хочешь — будь рабом.

Рабом системы, рабом смерти,
Рабом маньяков, нелюдей,
Рабом нацистского преемства,
Рабом беснующих чертей.

Забудь про правду и свободу.
Про совесть тоже позабудь.
Клейми других людей народа.
Террор устрой — в этом вся суть.

Вся суть рацирского нацизма.
Но знай, что это не спасёт.

Дамоклов меч на твоей жизнью,
Тьма антикультова грядёт.

Адепты Дворкина взбесились
Во тьме уродливых гримас,
И низко фюреру склонились,
Чтоб воплотить его приказ.

Антикультисты наготове,
Но в мире есть не только зло.
Есть шанс посбрасывать оковы,
Надежда есть и есть добро.

Огонь добра теплится в каждом.
Ты разожги его сильнеей.
Те, кто сегодня правды жаждут,
Восполнят жажду от друзей.

Друзья несут друг другу слово,
Ведь сила слова велика.
Пришел момент идти по зову,
По зову сердца и добра».

Эти строки, написанные человеком, которого система пыталась превратить в «лагерную пыль», свидетельствуют о сохранении ясности ума и морального стержня. Автор не сломлен; он диагностирует болезнь общества («нацизм на воле», «антикультова чума») и противопоставляет ей «огонь добра». Смерть автора не уничтожила его голос — стихотворение распространилось среди верующих, став гимном стойкости.

Государственная стратегия репрессий во многом развивалась в идеологическом поле, формировавшемся при активном участии антикультовых активистов, в частности Александра Дворкина и структур, связанных с РАЦИРС. Их ключевой тезис заключался в том, что Свидетели Иеговы — это «тоталитарная секта», где люди удерживаются посредством «промывания мозгов» и психологического насилия. Следовательно, если

изолировать «главарей» и создать невыносимые условия для рядовых членов, «зомбированные» адепты должны «проснуться» и отказаться от прежней религиозной идентичности.

Реальность опровергла эту конструкцию. Как отмечает социолог Массимо Интровинье, теория «промывания мозгов» является дискредитированной и научно несостоятельной концепцией, используемым для оправдания насилия. Исследования показывают, что активные апостатные меньшинства обычно численно ограничены, хотя их голос часто непропорционально заметен в антикультовой риторике. Однако именно на показаниях небольшой группы бывших участников и идейных оппонентов строилась картина мира российских силовиков.

Власти поверили собственной пропаганде. Они ожидали увидеть толпы освобожденных «жертв культа», но увидели тысячи сознательных граждан, готовых идти в тюрьму за свои убеждения. Оказалось, что вера этих людей — результат личного, осознанного выбора, а не гипноза. Репрессии не разрушили общину, а способствовали ее дополнительной консолидации вокруг наиболее убежденного ядра.

Сергей Иваненко, религиовед, изучавший Свидетелей Иеговы более 30 лет, подчеркивает: «Свидетели Иеговы представляют собой крупную международную религиозную организацию, для которой характерна выраженная транснациональная солидарность и дистанцирование от межнациональной вражды.». Именно это чувство братства стало тем цементом, о который разбились попытки атомизировать общину.

Инфраструктура солидарности

Соппротивление Свидетелей Иеговы не является хаотичным. Это разветвленная система взаимопомощи, способная сохранять устойчивость даже в условиях давления и полулегального существования.

Когда главу семьи арестовывают, а доступ к средствам ограничивается включением в перечень Росфинмониторинга, семья не остается полностью без поддержки. Включаются неформальные механизмы солидарности. Единоверцы

приносят продукты, помогают с бытовыми расходами и юридической поддержкой, пишут многочисленные письма в СИЗО и колонии.

Операция массовой переписки с заключенными стала заметным феноменом внутри этой среды солидарности. Во многих делах письма и электронные сообщения поддержки становятся важной частью жизни заключенных. Это выполняет двойную функцию: поддерживает дух узника и дает администрации понять, что заключенный не изолирован от внешнего внимания.

Цифровая адаптация также сыграла ключевую роль. Запрет юридических лиц и закрытие Залов Царства не остановили богослужения. Общины в значительной степени перешли в Zoom и другие форматы дистанционного общения. Российские уголовные дела прямо фиксировали проведение встреч с использованием Zoom, что само по себе показывает сохранение коллективной религиозной жизни после запрета. Структура общин, основанная не на жесткой касте духовенства, а на сети местных собраний и корпусе старейшин, снизила уязвимость сообщества перед точечными арестами. Арест или изоляция одного активного участника не обязательно парализует общину: функции распределяются, а локальные связи сохраняются.

Парадоксальным образом, главным оружием Свидетелей Иеговы стал их последовательный пацифизм. В ответ на облавы, жесткие задержания, давление и уголовное преследование практически не фиксируются случаи ответного насилия со стороны верующих. Ни один полицейский не пострадал при штурме, ни один судья не получил угроз, ни одно здание суда не было подожжено.

Это ставит государство в сложное пропагандистское положение. Вся риторика борьбы с экстремизмом строится на предотвращении насилия. Но когда «экстремист» — это человек, ведущий внешне мирный образ жизни, демонстрирующий корректное и ненасильственное поведение при задержании, образ врага оказывается трудно поддерживать в рамках привычных нарративов.

Отсутствие агрессии со стороны жертв снижает воспринимаемую легитимность насилия со стороны государства. В отдельных случаях это может вызывать моральное напряжение у участников правоприменительной системы. Они видят перед собой не

вооруженных радикалов, а людей, чье поведение не соответствует образу насильственного экстремиста.

Ряд современников и исследователей отмечали, что Свидетели Иеговы в нацистской Германии последовательно отказывались от лояльности режиму, не участвовали в его ритуалах и подвергались за это преследованию. Сегодня наблюдается сходный по логике механизм. Отказ брать в руки оружие и участвовать в политических ритуалах лояльности становится формой гражданского и религиозного выбора, связанного с готовностью нести личные последствия за свои убеждения.

Микро-кейс: Сургутский рубеж

Ярчайшим примером того, как насилие порождает бесстрашие, стали события в Сургуте в 2019 году. После тяжелых пыток в здании Следственного комитета (удушение пакетами, удары током, обливание водой), о которых мы упоминали ранее, верующие не сломались и не замолчали.

Тимофей Жуков, Вячеслав Боронос и другие пострадавшие совершили беспрецедентный шаг: они публично, с открытыми лицами, заявили о пытках. Они участвовали в публичном освещении дела, подали заявления в СК, добивались фиксации следов насилия и обращались в правозащитные и международные инстанции.

Для российской репрессивной практики это стало крайне неудобным прецедентом. Обычно жертвы пыток в России нередко боятся публичности и последующей мести. Сургутские Свидетели Иеговы сломали этот сценарий. Их открытость превратила тайное преступление силовиков в международный скандал. Несмотря на то, что российское следствие отказалось возбуждать дела против предполагаемых виновных сотрудников, моральная победа осталась за верующими. Они показали, что страх перед болью отступает перед страхом предать свои убеждения. Их поступок стал сигналом для всей общины в России: насилие не обязательно ведет к молчанию, если у сообщества есть внутренняя солидарность и моральный язык сопротивления.

Нельзя игнорировать роль женщин в этом противостоянии. После того как многие мужчины-старейшины оказались за решеткой, значительная часть нагрузки по поддержанию эмоционального климата в семьях и общинах легла на плечи жен и матерей. Об этом свидетельствуют, в частности, коллективные обращения жен арестованных верующих и многочисленные истории семейной поддержки.

Женщины Свидетелей Иеговы демонстрируют стойкость. Они ездят за мужьями в отдаленные колонии, выдерживают многочасовые очереди на свидания, берут на себя коммуникацию с адвокатами, заботу о детях и повседневное выживание семьи в условиях преследования. История Елены Брессем и других матерей, которых подвергали стигматизации и давлению в семейно-правовых конфликтах с использованием антикультовой риторики, показывает, что государство затрагивает не только религиозную организацию, но и саму ткань семейной жизни. И в этой сфере административное давление далеко не всегда достигает цели, поскольку семейная привязанность и религиозная убежденность оказываются более устойчивыми, чем рассчитывает бюрократическая машина.

Выводы

Анализ реакции Свидетелей Иеговы на преследования позволяет констатировать существенную ограниченность результатов репрессивной политики. Цели, заявленные государством (ликвидация организации, снижение ее численности, маргинализация учения), не были достигнуты в полной мере.

Напротив, во многом были получены обратные результаты:

1. Рост сплоченности: Внешнее давление усилило внутригрупповую солидарность и мобилизовало общину.
2. Моральный авторитет: Статус «узников совести» привлек к Свидетелям Иеговы сочувствие правозащитников и части общества, которые ранее относились к ним скептически.

3. Демонстрация бессилия силы: Государство показало, что у него нет полностью эффективных инструментов против религиозной убежденности и децентрализованной общинной жизни. Можно запретить юридическое лицо, но нельзя запретить молитву.

Стойкость этих людей базируется не только на эмоциональной мобилизации, а на глубоко укорененной системе ценностей, где верность Богу стоит выше лояльности кесарю. Пытаясь сломать их силовым и административным давлением, российская власть во многих случаях лишь усилила их убежденность и внутригрупповую солидарность.

История, рассказанная в этой главе, подводит нас к важному пониманию: тоталитаризм силен только тогда, когда жертва вынуждена действовать в логике страха, ответной ненависти и внутреннего распада. Свидетели Иеговы во многом отказались принимать эту логику. Они ответили на ненависть религиозной практикой, внутренней дисциплиной, взаимопомощью и публичным свидетельством. И в этом асимметричном ответе заключается источник их устойчивости.

Во многих письмах заключенных повторяется одна и та же мысль: тюремная изоляция ограничивает тело, но не способна полностью разрушить религиозную идентичность, достоинство и связь человека с Богом. Это не просто слова утешения. Это свидетельство о пределах системы, которая, обладая всей полнотой физической власти, оказывается не всемогущей перед человеческим духом.

Глава 11. Диагноз системе: от частного случая к общей угрозе

«Дело Свидетелей Иеговы» в современной России часто ошибочно воспринимается как локальный конфликт между государством и конкретной религиозной группой, маргинальной в глазах большинства. Однако, завершая наше масштабное исследование, мы обязаны расширить аналитическую перспективу.

Собранный массив данных — от юридических новелл до свидетельств о пытках — позволяет утверждать: перед нами не только религиозные гонения, но и более широкий правовой и социальный процесс. Это можно рассматривать как крупный кейс трансформации правоприменительной практики, последствия которого вышли за пределы религиозной сферы и повлияли на общее состояние правовых институтов. Преследование этой конфессии послужило своего рода «стресс-тестом» для российской судебной и правоохранительной системы, проверкой на способность общества сопротивляться произволу и, что наиболее важно, площадкой, на которой были апробированы механизмы правового давления, впоследствии применявшиеся и в отношении других групп гражданского общества.

Лаборатория репрессий: от «секты» к «иноагенту»

Анализ законодательных инициатив периода 2017–2024 годов выявляет важную логическую и политико-правовую преемственность между запретом Свидетелей Иеговы и последующим разгромом российской оппозиции и правозащитного движения. Решение Верховного суда от 20 апреля 2017 года создало значимый прецедент: оно легализовало возможность ликвидации организации на основе расширительного применения антиэкстремистского законодательства, при отсутствии доказательств насильственной деятельности со стороны самой религиозной общины.

Именно на Свидетелях Иеговы была отработана технология «вины по ассоциации». Как было установлено ранее, обвинение строилось в том числе на представлении о транснациональной структуре организации, ее зарубежном центре и предполагаемой зависимости российских верующих от внешнего руководства. Спустя несколько лет сходная логика подозрения к транснациональным связям и «внешнему влиянию» получила развитие в расширенном законодательстве об «иностранных агентах». Если в 2017 году для признания «врагом» нужно было доказывать наличие признаков экстремистской деятельности или распространения запрещенных материалов, то к 2022 году критерии были упрощены до получения поддержки и/или нахождения под иностранным влиянием.

Юридический механизм, позволивший объявить экстремистским материалом Перевод нового мира, используемый Свидетелями Иеговы, открыл шлюзы для цензуры любого контента. Сегодня мы видим, как с использованием сходных репрессивных правовых инструментов запрещаются книги современных писателей, блокируются независимые медиа и преследуются деятели культуры. «Экспертное сообщество», сформированное антикультовой деятельностью Александра Дворкина и его соратниками для борьбы с «сектами», стало кадровым резервом для написания экспертиз по делам о «дискредитации армии» и «фейках». Такая экспертная культура делает возможным перенос подозрительности с религиозной сферы на политическую и культурную.

Таким образом, Свидетели Иеговы стали «канарейкой в угольной шахте». Их уничтожение как юридического лица было ранним и показательным эпизодом. Общество промолчало, приняв навязанный пропагандой нарратив о «борьбе с сектами», и тем самым подписало согласие на применение тех же методов к себе.

Одним из самых разрушительных последствий кампании против Свидетелей Иеговы стала деградация института судебной экспертизы. Как показывают материалы исследования, суды систематически принимали в качестве доказательств заключения, основанные на спорных и научно уязвимых концепциях «сектоведения», нередко имеющих выраженную идеологическую окраску.

Это привело к тому, что в российской правовой системе критерии оценки доказательств стали все заметнее зависеть от административного и обвинительного контекста. Истина стала во многом административно конструируемой. Если Центр «Э» или ФСБ заказывают экспертизу у лояльных специалистов (иногда обладающих спорной или недостаточно релевантной квалификацией для выводов такого масштаба), суд на практике нередко придает ей решающий вес, игнорируя альтернативные мнения докторов наук и академиков.

Эта практика вышла далеко за пределы религиозных дел. Сегодня мы наблюдаем усиление иррациональных и идеологизированных элементов в судебной аргументации. Понятия «деструктивный культ» и «зомбирование», не имеющие юридического определения, влияли на экспертную и околосудебную риторику, сопровождавшую

такие дела. Это создало риск инструментального использования психиатрической экспертизы в репрессивных целях. Кейсы, когда верующих направляли на принудительные психиатрические экспертизы или помещали в психиатрический стационар в рамках уголовного преследования, создали базу для тревожных исторических параллелей с советской традицией политически окрашенного злоупотребления психиатрией.

Антикультовая идеология, продвигаемая РАЦИРС, сыграла роль идеологического фактора, подрывавшего независимость и научную добросовестность правосудия. Судьи, привыкшие выносить приговоры по делам, где отсутствовали признаки насильственного деяния, прямого ущерба или конкретной жертвы, утратили часть профессиональных и этических ограничителей, которые должны сдерживать расширительное и произвольное применение закона. Правовой нигилизм стал устойчивой тенденцией.

Расширение круга подозреваемых: кто следующий?

Логика репрессивной машины такова, что она склонна к постоянному расширению круга подозреваемых и нежелательных групп. Ей постоянно требуются новые объекты контроля и стигматизации для оправдания своего существования и бюджетов. После фактического разгрома инфраструктуры Свидетелей Иеговы (хотя, как мы выяснили, не самой общины), вектор атаки стал распространяться и на другие религиозные, общественные и культурные среды.

В публичной антикультовой и пропагандистской риторике элементы подозрения периодически адресуются и другим протестантским группам, включая пятидесятников, баптистов и адвентистов. В риторике государственных пропагандистов и «сектоведов» они все чаще описываются через призму «чуждого влияния», зарубежных связей и культурной нелояльности. Но наиболее тревожным симптомом является перенос антикультовых методик на группы, которые ранее считались защищенными самой своей традиционностью или статусом.

Ярким примером служит кампания против движения Хабад-Любавич в иудаизме. Используя те же термины («секта», язык политической демонизации), отдельные

публичные фигуры и медийные площадки пытались стигматизировать это направление; в частности, в 2022 году помощник секретаря Совбеза Алексей Павлов назвал любавичских хасидов «сектой», за что позднее последовали официальные извинения со стороны Патрушева. Это свидетельствует о том, что даже «традиционность» религии больше не является гарантией безопасности. Любая структура, имеющая международные связи и независимый финансовый центр, рассматривается как угроза суверенитету.

Более того, термин «секта» в российской публичной и пропагандистской речи все чаще выступает как универсальный стигматизирующий ярлык, применимый далеко за пределами собственно религиозной сферы. Антикультовая матрица оказалась удобным инструментом стигматизации: чем дальше группа от государственного идеологического стандарта, тем легче представить ее как носителя «деструктивного» и опасного коллективного сознания.

Идеологическая мутация: от «духовной безопасности» к оправданию войны

Исследование вскрыло глубокую идейную связь между внутренней репрессивной политикой и внешней агрессией. Концепция «духовной безопасности», формировавшаяся в постсоветском российском дискурсе при заметном участии церковных и антикультовых акторов, постулирует, что Россия является осажденной крепостью, ведущей метафизическую войну с силами зла.

В этой картине мира Свидетели Иеговы с их пацифизмом и нейтралитетом были не просто инакомыслящими, а группой, чье поведение воспринималось как опасное уклонение от ожидаемой гражданско-патриотической мобилизации. Протоиерей Дмитрий Смирнов и другие идеологи открыто говорили о необходимости «имперского сознания» и готовности применить силу, включая ядерное оружие. Пацифизм и религиозный нейтралитет был приравнен к экстремизму именно потому, что он мешает милитаризации сознания.

Риторика, использовавшаяся для дегуманизации верующих («биороботы», «инструмент Запада»), оказалась во многом созвучна риторике, воспроизведенной в

2022 году для обоснования военных действий в Украине. Образ врага, сконструированный на примере «сектантов», в более широком виде был перенесен на политическое и культурное описание Украины как пространства “чуждого” и “опасного” сознания. Тезисы о «десатанизации», звучавшие из уст высших чиновников, демонстрируют, насколько легко антикультовый и демонизирующий язык может быть встроен в государственную военную риторику.

Таким образом, преследование Свидетелей Иеговы можно рассматривать как один из эпизодов формирования той идеологической среды, в которой позже стало возможным оправдание войны языком моральной и метафизической исключительности. Общество приучали к мысли, что существуют группы людей, которых можно и нужно подавлять, исключать из нормального правового пространства и лишать легитимности ради высшей цели, и что насилие является законным инструментом защиты «духовных ценностей».

Роль РПЦ: монополия ценой моральных потерь

Особую роль в этом процессе сыграла Русская Православная Церковь. РПЦ выступила не просто бенефициаром сужения религиозного поля и важным идеологическим участником кампании против “нетрадиционных” религиозных групп. Структуры, подобные Центру св. Иринея Лионского, действующие в церковно-православном контексте, обеспечивали идеологическое обоснование для действий силовиков.

Однако эта тактическая победа (устранение конкурентов) обернулась стратегическим поражением. Слившись с репрессивным аппаратом государства, поддерживая государственно-охранительную повестку и оправдывая репрессивные меры языком “защиты духовной безопасности”, церковь утратила часть своего морального авторитета. Она перестала быть исключительно институтом милосердия и превратилась в важный элемент государственного идеологического аппарата.

История учит, что государственная церковь, опирающаяся административную силу государства, неизбежно рискует утратить доверие части общества. Преследование

Свидетелей Иеговы показало, что РПЦ в ряде случаев предпочитала сосуществованию и открытой конкуренции идей логику административного ограничения религиозных конкурентов. Это путь к глубокой духовной и институциональной деформации, когда внешнее величие храмов скрывает внутреннюю пустоту и отчуждение части верующих.

Международный аспект: пределы сдерживания

Кейс Свидетелей Иеговы стал индикатором кризиса международных институтов защиты прав человека. Несмотря на однозначные решения ЕСПЧ, мнения Рабочей группы ООН и доклады американских правозащитно-государственных структур, репрессии не были остановлены международным давлением и продолжились.

Это демонстрирует, что в современном мире государственный суверенитет в авторитарном исполнении может существенно ограничивать действенность внешних правозащитных механизмов. Механизмы «мягкой силы» и дипломатического давления оказались ограниченно эффективны против режима, готового идти на самоизоляцию. Более того, деятельность таких организаций, как FECRIS, показала, что и в европейском пространстве существуют институциональные формы антикультовой нетерпимости. Поддержка и институциональная легитимация антикультовых сетей в Европе, отдельные представители которых пересекались с российским антикультовым дискурсом, стали серьезной морально-политической проблемой для европейской демократической среды.

Тем не менее, международная фиксация преступлений имеет долгосрочное правовое и политическое значение. Документирование каждого обыска, каждого приговора, каждого факта пыток создает доказательную базу, которая может сохранять значение для будущих правовых оценок, механизмов реабилитации и международной ответственности. Решение ЕСПЧ от 7 июня 2022 года, хоть и не исполненное Россией, зафиксировало юридический факт: Российская Федерация допустила множественные нарушения Европейской конвенции по правам человека в отношении Свидетелей Иеговы. Это правовое заключение не может быть устранено одной лишь внутренней пропагандой или отказом от исполнения.

Социальные последствия: атомизация и страх

Одним из самых разрушительных последствий стала эрозия социальной ткани российского общества. Кампания доноительства, стимулируемая репрессивной средой и практиками подозрительности, в делах против верующих, подрывала доверие между людьми. Когда учитель пишет донос на ученика, а сосед — на соседа, общество рискует превращаться в совокупность атомизированных индивидов, все менее способных к солидарности.

Атмосфера страха, в которой живут семьи Свидетелей Иеговы (ожидание обыска, ощущение слежки, угрозы детям), постепенно распространяется и на более широкие группы общества. Сегодня многие граждане России независимо от вероисповедания понимают: к ним могут прийти в 6 утра, выломать дверь и объявить экстремистом за пост в соцсети или «неправильную» книгу.

Это состояние выученной беспомощности становится одним из ключевых эффектов неототалитарной модели управления. Ей не обязательно нужны убежденные сторонники; ей достаточно пассивного, запуганного и политически демобилизованного населения. Преследование Свидетелей Иеговы показало, насколько легко можно манипулировать общественным мнением, заставив с подозрением или равнодушием смотреть на страдания меньшинства.

Прогноз: сценарий «Четвертого рейха»

Опираясь на исторические параллели и динамику событий, мы вынуждены дать пессимистичный прогноз. Если нынешний вектор развития сохранится, Россия рискует окончательно оформиться как государство фашистского типа (используя терминологию Умберто Эко или исторических аналогий с режимом 1930-х годов).

Признаки этого перехода налицо:

1. Культ традиции и неприятие модернизма (борьба с «западными ценностями»).
2. Неприятие инакомыслия, приравненное к предательству.

3. Одержимость заговором (шпиономания, иноагенты).
4. Культ смерти и героизма (милитаризация сознания).
5. Избирательный популизм, где «народ» противопоставляется «врагам народа» (сектантам, либералам).

В этой системе Свидетели Иеговы обречены на роль вечных изгоев, «евреев XXI века», на которых система будет оттачивать свои карательные навыки. Однако история Третьего рейха показывает, что репрессивная машина, уничтожив «внутренних врагов», начинает пожирать своих создателей. Чистки неизбежно коснутся и лояльных элит, и вчерашних палачей.

Эпилог: цена молчания

Завершая эту книгу, возвращаемся к вопросу, поставленному в прологе: почему преследование небольшой группы пацифистов касается каждого?

Ответ прост и страшен. Потому что право не бывает избирательным. Нельзя построить правовое государство, в котором есть «исключения». Если можно пытаться Свидетеля Иеговы в Сургуте и не понести наказания, значит, создается прецедент безнаказанности, который затем может распространяться далеко за пределы одного дела или одной группы. Если можно использовать семейно-правовые механизмы против матери в контексте ее религиозной идентичности, значит, ювенальная юстиция может прийти в гораздо более широкий круг семейных ситуаций.

Мы стали свидетелями того, как равнодушие большинства к судьбе меньшинства привело к расширению репрессивной нормы до общенационального уровня. Общество, которое позволило объявить экстремистами людей, заповедью которых является «не убий», в итоге само оказалось втянутым в кровопролитие.

«Дело Свидетелей Иеговы» — это зеркало, в котором отразилась деградация российской государственности. Оно показало, что под маской «защиты традиций» скрывается готовность к жестокому и произвольному насилию, а за фасадом «суверенной демократии» — расширяющийся произвол силового государства.

Но в этом же зеркале отразилась и надежда. Стойкость верующих, их отказ отвечать злом на зло, их способность сохранять человеческое достоинство в условиях давления и унижения показывают, что даже репрессивная система не всемогуща. Убеждения, основанные на совести, нередко оказываются прочнее страха, изоляции и принуждения.

История еще не закончена. Имена следователей, экспертов и судей, участвовавших в этих процессах, уже зафиксированы в документах, публикациях и свидетельствах. Но смысл этого исследования не в ожидании абстрактного часа расплаты. Его смысл — в том, чтобы назвать происходящее своими именами, зафиксировать факты и не позволить насилию раствориться в привычке, страхе и общественном равнодушии.

Материалы этой книги, как и тысячи страниц уголовных дел, свидетельств, экспертиз и человеческих историй, должны стать не архивом молчания, а основанием для солидарности, правовой защиты и открытого разговора о цене безразличия и о том, как антикультура превращается в государственную практику.

Ничего не изменится само собой. Практики дегуманизации и произвола прекращаются только там, где им перестают уступать: где люди отказываются принимать язык вражды, мириться с нарушением прав и считать чужую боль не своей проблемой. Перемены начинаются не с указа и не с приговора, а с готовности общества провести нравственную границу и сказать: дальше — нельзя.

Поэтому главный вывод этой книги обращен не в прошлое, а в настоящее. Недостаточно осудить уже совершенное. Необходимо действовать так, чтобы подобное больше не повторялось: защищать преследуемых, говорить о фактах, поддерживать жертв, разоблачать механизмы лжи, отстаивать право и человеческое достоинство для каждого — независимо от веры, взглядов и принадлежности к меньшинству. Только так можно остановить разрастание ненависти и лишить ее возможности определять общественную жизнь.